

Владислав Афонин

ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН

Роман в одиннадцати главах

Владислав Афонин

**Последний ветеран. Роман
в одиннадцати главах**

«Издательские решения»

Афонин В.

Последний ветеран. Роман в одиннадцати главах /
В. Афонин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856144-3

Уходят люди, а вместе с ними уходит целая эпоха. Казалось, не стало последних воинов Второй мировой войны. Осознав это, пара русских учёных случайно находит последнего ветерана того страшного конфликта. Деятели науки намереваются дать пожилому воину вечную жизнь, пока он решает поведать новым знакомым о своей тяжёлой и драматичной судьбе.

ISBN 978-5-44-856144-3

© Афонин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	25
Глава четвёртая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Последний ветеран Роман в одиннадцати главах

Владислав Афонин

© Владислав Афонин, 2018

ISBN 978-5-4485-6144-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

На дворе стояла первая половина 10-х годов XXI века.

– Ещё, ещё немного. Да, вот так! – довольно крикнул профессор Доброградский, когда робот установил последнюю деталь его изобретения. – Прекрасно, прекрасно! Вот моё чудо, вот оно...

Виктор Сергеевич стал нетерпеливо оглядывать своё творение, пытаясь найти его малейшие изъяны. Учёный резво осмотрел и верх, и низ длинной капсулы, провёл пальцем по её гладкой глянцевой поверхности. Стало очевидно, что Доброградский был чрезмерно одержим своей идеей. Он, слегка подпрыгивая, побежал к одному из многочисленных компьютеров, которые располагались среди разнообразного оборудования в большой белоснежной лаборатории. Человек считал, что сделал самую большую работу в своей жизни.

– Рома! У нас всё получилось! – Профессор обратился к молодому ассистенту, регулировавшему настройки ремонтного робота. Доброградский стал что-то быстро строчить на клавиатуре, возбуждённо шепча. – Да-да-да! Осталось лишь несколько технических моментов.

Радостное настроение Доброградского передалось и Роме. Он, сам того не замечая, начал напевать какую-то знаменитую весёлую песенку.

Тем временем профессор закончил свою работу за компьютером. Он встал в центр помещения и воодушевлённо посмотрел на свою работу, облегчённо при этом вздохнув.

– Смотри, парень, смотри! – Доброградский стал с бешеным темпом жать руку молодому человеку, обнимать его и хлопать по плечу. Бедный Рома, не такой импульсивный и эмоциональный, как его начальник, аж закашлялся от неожиданности.

– Всё-всё, проф! – смеясь, Роман вырвался из объятий профессора.

– Ты не понимаешь, молодёжь! – хохоча, Доброградский двинулся к белой тумбочке, которая располагалась около выхода из лаборатории, и достал из неё красивую бутылочку с коричневой жидкостью. – А за это стоит выпить!

– Вы же меня знаете, Виктор Сергеевич: я не пью.

– Заставлять не буду, – слегка обидевшись и поостыв, пожал плечами профессор. Он налил французский коньяк в изящную рюмочку, выпил залпом, ничем не закусывая. – Ох, хорошо пошёл!

Рома подошёл к окну и, облокотившись на подоконник, устало уставился на одну из сталинских высоток. Над ней с треском пролетел вертолёт Первого канала.

– Это событие века... – зевая, невнятно пробормотал он.

– И не говори! – Доброградский тоже подошёл к окну, держа бутылку с коньяком в одной руке, а рюмку – в другой. Учёному захотелось вновь пересказывать и пересказывать события последних месяцев. – Невероятно, невероятно! Столько лет исследований, экспериментов. И вот прогресс, этот фундамент, гарант существования человеческого общества, повернулся к нам лицом. Ко мне и к тебе, Рома. Видишь, ты только вышел из университета, а уже сделал свой вклад в развитие нашей цивилизации. Вовремя ты ко мне попал!

– Это точно, – усмехнулся ассистент, вспоминая нелёгкие дни «исследований, экспериментов». Сколько нервов и сил он потратил на проект? А сколько их потратил сам Виктор Сергеевич, начав эту работу ещё во время существования Советского Союза? Но все эти жертвы стоили итога.

– Криогенная установка, – тем временем продолжал Доброградский. – Установка богов, случайно свалившаяся нам, простым людям, в руки с самого Олимпа. Рома, мы, да, именно мы, а не какие-нибудь американские или японские дилетанты, создали эту вещь. Теперь нам удастся победить смерть или, по крайней мере, отсрочить её. Ты осознаешь это?

Всё то, к чему когда-то стремилось человечество, теперь сделано и готово исполнять своё дело!

– Да уж. – Рома вдруг неожиданно погрузился. – Кости трещат, зубов не осталось, экзема разъедает пятую точку, глаза не видят. Возьми, заморозь себя на время, не умри, потом опять разморозь. Славно...

– Да что это с тобой такое?! – прошептал Виктор Сергеевич. – Я столько стремился к этому. Ты. Наша нация. Да и все люди в конце-то концов.

– Я понимаю, – печальными глазами парень поглядел на начальника. – Неэтично это как-то. Вы сами догадываетесь, ведь по образу жизни деятель науки.

– Ишь ты, «неэтично»! – обиженно зашипел профессор. – Яйца курицу не учат! Мы так стремились к этому, а ты, я гляжу, уничтожить всё это собрался? Ещё на этику какую-то тут давишь?

– На этику я не давил и ничего уничтожить не собирался, – твёрдо пояснил ассистент, но мигом смягчился, пытаясь найти компромисс: – Виктор Сергеевич, да подумайте сами! Проект очень дорогой, неперспективный. Сколько денег в него вкладывали два государства на протяжении тридцати четырёх лет? Мы не математики, но посчитать это нетрудно. И кого из великих людей мы заморозим для дальнейшего сообщения с нашими потомками? Авторитарного президента африканской страны? Олигарха, который не скрывает, что он гражданин Великобритании и Израиля, и при этом с какой-то стати владеет огромными богатствами нашей страны? Певца, пиарившегося всю свою жизнь на скандалах и больше ничего не делавшего? Проворовавшегося министра? Или какого-нибудь «общественного деятеля», который только поливает грязью русский народ, не принося этому миру ничего полезного?

– Что ты мне моральных уродов всяких приводишь? – разозлился Доброградский. – Нормального, хорошего человека отыщем. Отберём!

– Уважаемый Виктор Сергеевич, капсула с криогеном у нас только одна. Это пока что единственный экземпляр. Хватит ли нам денег и сил сделать её копию, когда оригинал создавался в течение тридцати четырёх лет? Для кого будет использована машина в единичном случае? Виктор Сергеевич?

Нахмурившись и надувшись, профессор разочарованно уставился в окно. По раскалённой летней улице спешно передвигалась плотная масса людей, как в муравейнике. Доброградский, вздохнув, попытался кого-то разглядеть в унылой серой толпе. Вот идёт некий парень в кепке и портфелем за спиной. «Нет, слишком молодой...» – отрицательно мотает учёный головой. Вон, словно пританцовывая, передвигается милая брюнетка с розовыми наушниками в ушах. «Аналогично!» – думает Виктор Сергеевич. За девушкой прётся худощавый плешивый мужик с банкой пива и дешёвой шаурмой в руках. «Нет, такие товарищи нам не нужны». Следом за любителем фаст-фуда шли и толстый бизнесмен с «блютузом» в ухе, и маленькая бабушка с авоськой через плечо, и злобный мигрант в чёрной кожанке, и какой-то интеллигентный тип в жилетке, и гламурная дива, и много кто ещё... Но никто из прохожих профессора, естественно, не устраивал.

Вдруг внимание Доброградского привлёк сморщенный старичок, сидящий через дорогу на бетонной лавке, на маленькой площади. Он оказался полностью лысым, кожа его сморщилась, грустные глаза давным-давно потухли, потрескавшиеся губы образовывали скорбную улыбку. Пожилой человек был одет в старую военную форму, которую спереди полностью завесил различными наградами. Их оказалось так много, что на ткани вообще не осталось никакого свободного места. Сгорбившись и кивая кому-то невидимому, старик кормил голубей, мерно кидая птицам семечки из кулёка, сделанного из пожелтевшей бумаги. Москвичи, проходившие по площади, кидали на старого равнодушные взгляды.

– Рома, – взволнованным голосом пролепетал Доброградский. – Роман!

– Что, проф? – Ассистент придвинулся к своему начальнику и также стал смотреть сквозь стекло.

– Так, парень! – выдохнул Виктор Сергеевич. – Вон, видишь старика на площади Рокоссовского?

– Так, вижу... – прищурившись, Рома стал присматриваться к сидящему человеку. – Батюшки! Профессор, так это же ветеран. *Наш* ветеран Великой Отечественной!

– Ты тоже смотрел ту передачу на «Первом канале»?

– Я посмотрел её на «YouTube». Лично у меня слёзы на глазах наворачивались.

– Да не суть, где ты это видел, – отмахнулся учёный. – Смысл смотри в чём. Помнишь: там сказали, что воинов, которые прошли Вторую Мировую, на Земле больше не осталось? Что мы были последним поколением, которое видело этих славных бойцов? Что никого из очевидцев тех лет уже не видели на параде Победы? Что последний ветеран, повидавший те великие и трагические события, русский (ёлки, позор, имя его забыл), умер в Риге год назад? Ты помнишь это, а? Но это тогда кто?..

– Это тоже ветеран, – спокойно пожал плечами Роман. Чихнул: – Так, может быть, Виктор Сергеевич, не всё потеряно. Не всех умерших ветеранов посчитали. Дело это нелёгкое. Подумайте сами, сколько их ещё на просторах бывшего СССР осталось. Возможно, кто-то всё-таки и дожил до наших дней. Нам-то откуда знать?

– Но в той программе говорили эксперты!.. – попытался возразить Доброградский.

– Я не верю нашим нынешним «экспертам», – твёрдо отрезал Рома.

– Послушай, парень, – воодушевлённо вздохнув, профессор сглотнул. – А что если... Что, если вон тот старик – это последний ветеран Великой Отечественной или Второй Мировой на нашей планете? Что, если перед нами последний человек, который может нам повесть историю о том времени? Вдруг он скоро умрёт, и больше никому будет об этом рассказывать? Это будет... будет... – учёный запнулся. – Будет историческая катастрофа. Мы потеряем то, что вернуть будет невозможно. Это то самое великое сокровище, которое мы обязаны сохранить. Понимаешь, Рома? Вот для чего нужна наша криокапсула!

Ассистент задумался. В помещении наступило неловкое молчание.

– Так, Роман... – Доброградский медленно отвернулся от окна. – А ну-ка, давай быстро за ним!

– За кем? – не сообразил молодой человек.

– За ветераном, парень! Быть может, это наша последняя возможность. Постараемся ввести его в курс дела, ну а после...

Преодолев сложную систему входов и выходов старого сталинского дома, профессор и его помощник выбежали на оживлённую улицу. Толпа, было, хотела подхватить их в своё течение и унести по уже обозначенному пути, но дуэт, проигнорировав направление масс людей, резво продвигалась вперёд. Неожиданно перед нашими героями появилась широкая автомобильная дорога. Обе её полосы пока что оставались пустыми.

– Давай, быстрее, Рома! – Виктор Сергеевич сошёл с пешеходного пути.

– Так что, прямо на красный? – возмущился помощник.

– А ну быстрее, я сказал!!! – азарт и нетерпение прямо хлестали из Доброградского.

Пожилой и молодой люди мигом рванули по горячему асфальту. Неожиданно откуда-то из-за здания, окружавшего площадь, на улицу развязно вынырнул плитовоз. Его водитель глухо засигналил, пытаясь предупредить бегущих людей, но движение приостанавливать не собирался.

– Откуда вы, бесы, в центре-то Москвы?! – охнул профессор, поздно заметив надвигающуюся опасность.

– А теперь бы и вам поторопиться, Виктор Сергеевич! – ехидно подметил Рома.

Слава богу, двоим удалось добежать до соседнего конца вовремя. Как только они это сделали, многотонный плитовоз слегка затормозил, гадко взвизгнув, круто повернул и скрылся где-то в городской глубине, напустив выделений из чёрной трубы.

– Как гоняет, кикимора неакадемическая, – задыхаясь, Доброградский наклонился сильно вперед. Лоб, уши и щёки его были покрыты крупными каплями пота. – Тут люди ходят, Господи. А он тут гонки устроил, ехидна!

Молодой Роман устал гораздо меньше.

– Да ладно вам, проф! – оптимистично отмахнулся он. – Зато вон свою физическую форму проверили. Пробежались после кабинетного консервирования. Кости с мышцами разогрели. Адреналинчика получили. Чем не здорово, а?

– Послушай, весельчак, – выпрямившись, пожилой учёный рассеянно захлопал глазами. – А где наш воин-то?

Рома внимательно оглядел площадь Рокоссовского. Лавка, где сидел ветеран, пустовала, и голуби доклевывали оставшиеся семечки. Константин Константинович, бронзовый полководец на постаменте, гордо улыбался. Солнце продолжало печь, и наши герои вдруг почувствовали себя смертельно уставшими. Они уже были готовы унывать и грустить. Неужели из-за пары пропущенных секунд получилось упустить последнего ветерана *той войны* на планете?

Вдруг на противоположной стороне площади, в метрах сорока пяти, что-то блеснуло. Роман узнал звезду Героя Советского Союза, которая переливалась на солнце.

– Вон он, Виктор Сергеевич! – Помощник профессора вновь воодушевился, и сердце его радостно забилося. – На автобусной остановке, между клёнами и живой оградой.

– Точно! – весело хохотнул Доброградский, прищурившись. Старичок спокойно сидел на железной лавке и продолжал грустить о своём. Он вновь печально улыбнулся, ненадолго прикрыв уставшие глаза. Но вдруг ветеран резко поднялся, словно и не был глубоковозрастным стариком, и достал из кармана проездной билет для льготников.

Неожиданно, огибая площадь, с территории из-за зданий выехал жёлтенький троллейбус. Транспортное средство уж больно быстро продвигалось к остановке, как будто пытаясь заполучить ветерана раньше, чем Рома и Виктор Сергеевич.

– Мы не успеем ничего сделать! – испуганно прошептал профессор. – Живее же к нему!

Наши герои спринтом пересекли площадь (Доброградскому это не легко давалось) и быстро оказались на стеклянной остановке. Готовившийся войти в троллейбус ветеран недоверчиво посмотрел на двоих, стремительно приближавшихся к нему. Он хотел миновать учёного и его помощника, однако сделать этого так и не удалось: Виктор Сергеевич, расставив руки в обе стороны, перегородил старому человеку дорогу.

– Здравствуйте! – Доброградский виновато улыбался, быстро выдохнув. – Разрешите ли мне посвятить вас в курс одного дела?

Старый воитель недовольно поморщился. Профессор не только не заинтересовал его, но и вызвал многочисленные подозрения.

– Вы кто такие? – возмутился ветеран, выпучив глаза. – Очередные сектанты? Провластные активисты? Мошенники? Награды не продаются!

– Но мы не...

– Не слепо предан я вашему Сталину, сам воевал только ради России! – погрозив кулаком, пожилой человек на повышенных тонах продолжал непонятную дискуссию. – Я не был влюблён в этого усатого диктатора, ибо сама моя возлюбленная была репрессирована по обвинению в связях с некоей «Подмосковной правотроцкистской группой», которую никто никогда в свои глаза не видел, понимаете? Как можно быть преданным сумасшедшему, ненормальному нечеловеку, который давал добро на страшнейшие вещи? Чем вы вообще думали? Вы этого хотели, проклятые журналюги? До инфаркта довести окончательно, да?!

Троллейбус, захлопнув двери, укатился прочь от остановки.

– Из-за вас я вновь опоздал. – Ветеран, слегка остыв, опустил свои глаза на землю.

И Виктор Сергеевич, и Роман серьёзно опешили из-за сильного эмоционального взрыва старого воина.

– Хм, но мы не какие ни журналисты, – покачал головой Доброградский. – Мы научные сотрудники! Я Виктор Сергеевич, а это мой лучший помощник – Роман.

– И мы сильно удивились, когда увидели вас, – подхватил ассистент.

– Ведь совсем недавно передавали, что последний ветеран Великой Отечественной уже скончался, – Виктор Сергеевич аккуратно поправил элегантные очки. – А тут вы...

– Ну, вполне возможно, я и есть последний, – несмело проворил старый боец. Прокашлялся: – Меня Станиславом Константиновичем звать. Богатырёв моя фамилия. Извините, пожалуйста, за мою выходку. Я подумал, что очередные эти... блогеры. Они меня, правда, уже достали. Последние недели две преследовали меня по всему району, говорили: «Что ж ты, дед, не помер еще?» Спрашивали: «Почему ж ты, дорогой, Киев со Смоленском продул?» И ещё вот какой вопрос задавали: «Ты, старый дурак, на своего тупого Сталина до сих пор молишься. А не молились бы такие, как ты, жили бы мы сейчас в прекрасной России». А я Сталина уже сто лет как забыл. Нужен мне этот душегуб? Он огромное количество несчастий русскому народу сделал, столько бед причинил. Как жаль, что мы, закалённые волки, прошедшие от Москвы до Берлина, осознали злодеяния этого тирана только после его смерти. Я, грешный, сам каюсь: однажды, до войны, на Красную площадь в каком-то радостном угаре притащился, помахал рукой усатому. Один раз это было. А ещё потом всё перевернулось вверх дном...

– Что за уроды к вам посмели лезть?! – не сдержался Рома, уставившись на рекламу очередного голливудского блокбастера, наклеенную за запыленным стеклом остановки.

– Да пёс с ними! – отмахнулся Богатырев. – Я и не такие нападки на себя принимал, было в жизни и похуже.

– Станислав Константинович, мы, конечно, знаем вас мало, и вы нас – тоже, – вздохнул Доброградский. – Роман и я заметили вас не случайно. Мы хотели бы ввести вас в курс одного дела. Я бы сказал, даже стратегической задачи. Нам нужен человек, великий человек, прошедший серьёзные испытания. Но для начала не могли бы рассказать немного о себе?

– Хм, мало кто в последнее время просил меня рассказать собственную биографию. Да и великим себя я не считаю, – поморщился ветеран. – Ну, с чего бы начать? Родился я в тысяча девятьсот двадцать третьем году в посёлке Быково, что под Подольском. Была у меня размеренная сельская жизнь. Отца моего испортили Гражданская война и прочие последствия нашей «великой» революции. Он очень рано постарел и полностью посадил своё здоровье. Заниматься полноценным физическим трудом он тоже был не в состоянии. Кормилец из него фактически был никакой. Впрочем, всё это не помешало ему зачать ещё троих детей.

Маме и папе помогал я практически со всеми заданиями по дому. Воспитывал двух младших братьев и сестрёнку, когда была необходимость. Начал ухаживать за местной красавицей, Катей Вороновой. После у нас завязался красивый роман, прям как в какой-то книге, – Станислав Константинович блаженно улыбнулся, прикрыв глаза. – Восьмого мая сорок первого мне стукнуло восемнадцать. Не хочу гордиться, но школу я закончил на отлично. В техникум меня не сильно тянуло, и я решил посоревноваться с судьбой. Хотел подавать документы в институт на исторический факультет, представляете? Были рекомендации от школы, даже от местных властей!

Но вот жили мы, как все, бедно, и я опасался, что, если я покину родовое гнездо, то моя семья не управится с хозяйством. Однако родители не хотели, чтобы я упустил такую отличную возможность, и отпустили меня в Москву. В столице я вообще очень редко бывал.

С вузом, как вы уже догадались, ничего не вышло: началась война, и я добровольцем отправился на фронт в первых рядах. Как совершеннолетнего, меня приняли с распростёртыми объятиями, – тут ветеран нахмурился. – Всего неделя ушла на так называемую базовую подготовку. Естественно, военному делу научиться быстро я не смог. Потом нас кинули на Украину. На пути к оборонительным рубежам наш эшелон попал под атаку «юнкерсов». Многие мои товарищи, с которыми я успел познакомиться, погибли прямо в горящем поезде или умерли потом от ожогов, – Богатырёв сокрушительно покачал головой. – А «Красная стрела», гордость, чёрт, советской промышленности, раскалённым факелом продолжала свой путь, невзирая на горящих живьём бойцов в её бесчисленных железных отсеках...

– Красноармеец Богатырёв! – яростный крик раздался откуда-то из-за угла. – Богатырёв, твою мать! Быстрее сюда!

В отвратительном угаре ничего невозможно было разобрать. Когда на вагон рухнула первая немецкая бомба, канистры с бензином, расположенные вместе с солдатами в одном вагоне, вспыхнули от роковой случайной искры. Видимо, сержант Рокотов плохо закрутил одну из крышек, и смертельная частичка огня смогла попасть в опасную жидкость.

– Я здесь, товарищ старшина! – Станислав, сев на одно колено, разорвал свою рубашку и обвязал кривую тряпку вокруг носа и рта. Неожиданно снаружи поезда что-то снова взорвалось, и красноармеец рухнул на почерневший от сажи пол.

Пламя заполонило большую часть вагона. Проклятый угарный газ проник в каждую клеточку пространства. Жар, копоть и гадкие запахи царили здесь. Поражённые осколками солдаты на верхних ярусах широких деревянных коек не смогли выбраться и сгорели заживо. Вот почему так мерзко тянуло палёным мясом.

Сзади дохнуло раскалённым. Богатырёв резво оглянулся: хищное пламя немедленно подбиралось к шокированному человеку.

«Надо действовать, как автомат! – иступлённо вылил глаза Станислав. – Надо действовать автоматически».

Он, было, собрался идти, как вдруг кто-то дёрнул его за руку.

– Тряпку водой смочи, чудина, – стараясь улыбаться сквозь боль, красноармеец Михин протянул своему товарищу флягу с водой.

– Спасибо, Андрюх. – Богатырёв вылил воду из ёмкости на кусок ткани, который закрывал ему пол-лица. Он опасливо поглядел на бойца: весь низ тела Михина превратился в сплошной кусок угля; кое-где ещё виднелись розоватые куски мяса. Боевой товарищ Станислава мучительно умирал. Андрей морщился, закусывал губы, едва заметно подрагивал плечами, дрожал. И красноармейцу так не хотелось оставлять его в этой раскопегаренной печи. Однако огонь подбирался всё ближе и ближе, поэтому путь надо было продолжать дальше.

– Иди же, – едва слышно прошептал Михин. – Иначе никто больше не выберется из этого ада.

Перемахнув через нагромождение из горящих досок, Станислав потрусил в начало вагона. Он посмотрел вверх. Через дыру, пробитую в крыше, уходил наружу весь оставшийся воздух. Приходивший же кислород лишь ещё больше раззадоривал пламя и никак не помогал оставшимся в живых людям. Перепрыгнув ещё через несколько костров и чуть не поджарившись, солдат оказался в тупике из сваленных друг на друга деревянных коек. Везде можно было заметить как жёлто-бледные, так и полностью почерневшие трупы бойцов РККА.

– Товарищ старшина, я застрял! – крикнул в пустоту Богатырёв.

– У, б... – Крамской нецензурно выругался сбоку. Вдруг полыхающие койки, плотно сцепленные друг с другом, рухнули, разломались на части, превратились в пылающие огоньки. Кто-то очень мускулистый и высокий врезался в повреждённые лежанки и окончательно поломал их изнутри. По инерции старшина чуть не врезался в Станислава.

– Ну и силища у вас! – прокашлявшись, воин искренне восхитился тем, что только сейчас смог сделать силач Крамской.

– Давай быстрее, Станя! – Старшина, отряхнувшись от тлеющих опилок, по-отечески похлопал красноармейца по плечу. – Дверь надо открыть в соседний вагон, да побыстрее! Бензин уже выгорел?

– Никак нет, – развел руками солдат.

– Это плохо, Станя... Ты же помнишь, *что* у нас в соседнем вагоне?

Несмотря на то что Богатырёв находился в очень жарком удушающем месте, где практически не хватало воздуха и откуда-то постоянно поступало тепло, он оставался в сознании и не терял адекватности. Тем не менее при упоминании о вагоне номер шестьдесят шесть душа его ушла в пятки, в глазах потемнело, а кожа покрылась ледяным потом. Станислав монотонно произнёс:

– Бензин для грузовиков. Авиационные бомбы. Снаряды для гаубиц. Даже какая-то противокорабельная мина. И что ей вообще тут делать? Проклятая пороховая бочка...

– Так чего же мы стоим? – ухмыльнулся Крамской. И вдруг как рывкнул: – А ну, красноармеец, живее к выходу!!!

Бойцы рванули в начало вагона, минуя куски раскалённого железа и костры дьявольского огня. Когда они оказались в точке назначения, то увидели младшего сержанта Котова, сидевшего на уцелевшей коробке и курившего засаленную папиросу.

Перед бомбёжкой один из товарищей закрыл выход из вагона добротной железной решёткой. Когда впервые бабахнуло, открывать уже никто не собирался: видимо носитель ключей либо выкинулся из поезда, либо погиб в пламени, либо просто запомнил о своих соратниках. Крамской уверял выживших бойцов, что атака на поезд и ситуация, сложившаяся сейчас, – составные части одной большой диверсии.

– Котов! – крикнул старшина. – Почему не пытаешься отпереть?

– Больше в живых никого не осталось? – младший сержант, устало поправив некрасивые очки, проигнорировал вопрос.

– У нас все погибли. Про тех, кто в конце, ничего не знаю, – покачал головой красноармеец.

– Короче, разговоры отставить! – прорычал Крамской и подошёл к решётке. – Навались!

Богатырёв попытался схватиться за железо и потянуть его на себя, но с криком отдернул руки. Кусочки кожи остались прилепленными к горячему, как в преисподней, металлу. Станислав подул на свои ладони, однако оказалось поздно, ибо неслабый ожог был уже получен.

– Рукавом обмотай, Станя, рукавом! – посоветовал Котов.

Тот последовал рекомендации младшего сержанта. Богатырёв и его товарищи попытались тянуть решётку то от себя, то на себя. Но всё оказалось без толку, потому что мощная железяка поддаваться не желала. Отчаявшись, Котов взял из своей коробки невесть как попавший в неё молоток и начал изнурённо долбить по чёрному металлу, матерясь похуже любого сапожника. Мощный Крамской пытался бить сапогом в то место, где находилось отверстие для ключа, надеясь, что замковый механизм как-нибудь вылетит прочь из стены. Всё было бесполезно.

Вспотевшие от жара и невероятных усилий, бойцы, казалось, уже сдались.

– По-моему, огонь перекинулся на шестьдесят шестой, – дрожащим голосом произнёс Котов.

– Еня-ефеня, мать-перемать. – Старшина снова пнул неподдающуюся решётку. – Погибли мы, господа солдаты. Сейчас из ада земного отправимся вниз, в ад неземной.

– Давайте попробуем просто снять её с петель! – в голову Станислава неожиданно пришла мимолётная идея.

– Это последний шанс, – кивнул Крамской. – Напрягитесь ребята! И не высовывайте голые руки!

Все трое схватились защищёнными ладонями за решетку и напряглись изо всех сил. Особенно старался старшина. Сильные мускулы его напряглись, как у былинного богатыря, проступили близко к коже позеленевшие вены. Худенький Котов пролепетал, что больше не выдержит, на что Крамской велел ему заткнуться. Богатырёв также не отличался особой слабостью, но силы его тоже оказались на исходе.

– Ммммм, маа-мааа!.. – прохрипел Крамской, надувшись, как воздушный шарик, и покраснев, будто рак. – Тяжёлая, суу... Гнида-а!

– Боженьки, боженьки... – просипел Котов. Из его посеревшего носа вылетела гадкая зелёная сопля. Попав на решётку, она тут же с шипением испарилась.

Солдаты напрягались так ещё минуты четыре. Тем временем у вагона буквально разорвало правую стену, против которой стояли бойцы. Совсем ненадолго подуло холодненьким свежим воздухом. Трупы вместе с горящими койками стали высыпаться прочь из поезда. Однако из-за поступившего кислорода огонь ещё больше усилился. Он начал разрастаться как в сторону бойцов, так и в направлении шестьдесят шестого вагона...

– Есть, товарищ старшина! – вдруг радостно крикнул Станислав. – Лезет, лезет из петель!

– Держитесь тогда, мужики, держитесь... – прошептал Крамской, который был готов уже рухнуть от усталости.

Наконец-то тяжёлая железка вылезла из петель, повиснув в пространстве на солдатских руках. Воины, не задумываясь, кинули надоевшую им дверь на пол. Раздался грохот. К счастью, ненавидимая штука вылетела вместе с замком. Где-то в вагоне обвалилась ещё одна балка. Казалось, что в центре пламени нечто визжит и катается в безумной оргии.

– Давайте в начало поезда, ну! – старшина первым юркнул в образовавшееся отверстие.

Вдохновлённый, Богатырёв следом за командиром шагнул в поглощающую тьму. Снаружи противно провизжала сирена «Юнкерса». Вдруг сзади нечто оглушительно рвануло, вагон в очередной раз пошатнуло, заскрипели колёса об рельсы. Станислава потрянуло, и тут-то он и почувствовал бешеный смертоносный поток энергии, идущий сзади. Что-то очень мощное взорвалось, красноармеец больно ударился, рухнув на спину и прокатившись по полу несколько метров. Он открыл глаза. Котов также лежал неподвижно, Крамского и след простыл. Затем появилась ослепительная вспышка, как будто родилась сверхновая звезда. Уши бойца заложило. Перекатившись, он провалился в ближайшее неглубокое пространство и потерял сознание.

А колёса продолжали неумолимо грохотать.

Глава вторая

Казалось, что, замолчав, старый воитель заснул.

– Ну а что было дальше-то, Станислав Константинович? – нетерпеливо спросил Рома.

– А, что? – ветеран как будто проснулся и, открыв глаза, продолжил. – Да, с «Красной стрелы» выбрались мы тогда. Шестидесят шестой всё-таки бабахнул, и наш вагон развалился на части. Все, кто находились сзади нас в конце эшелона, погибли: там всё сошло с рельсов, – снова погрузнев, вздохнул Богатырев. – Котов тоже умер: у него из-за взрывной волны разрыв печени случился. В общем, недолго он ещё прожил. А Крамского потом в Крым отправят. Хотя нет, стоп, Крым – это ругательное слово, – отмахнулся старый воин. – А вот Таврия, Таврида – это красивые названия для этого полуострова... Хм, так что со старшиной-то? Старшину моего в Тавриду отправили, да. Там он и пал при обороне Севастополя.

К остановке подъехал еще один жёлтый троллейбус. Однако на этот раз Станислав Константинович никуда не хотел уезжать. Ему грело душу тепло от ощущения того, что он нужен определённым людям, и те готовы его внимательно слушать, не перебивая.

– С разваливающейся «Красной стрелы» пересели мы тогда на «Труженика октября», – продолжил ветеран. – «Труженик» доехал до линии фронта уже без происшествий. Там держались мы около малоизвестного посёлка совсем немного. Настреляться я успел вдоволь в те дни, ей-богу. Подобная практика лучше любой тренировки была. Меня кое-как ещё до ефрейтора повысили за отстреленные немецкие головы и пару подбитых бронемашин. А потом началось самое страшное – отступление. Бросали оружие, технику, документацию, раненых – бросали всё. Неразбериха была страшнейшая, бедлам, бедлам, бедлам. И где ж, товарищ Сталин, ваш треклятый пакт о ненападении? – саркастически улыбнулся Богатырёв. – Где ваша «нейтральная» нацистская Германия?

– Советско-германская дружба! – ухмыльнулся Доброградский.

– А я, когда мы уезжали, точнее, спасались бегством, – поёжился Станислав Константинович, – что-то ляпнул, проезжая в грязной, запачканной повозке, что только русское национальное государство, а не большевицкое могло адекватно отразить агрессию со стороны зарвавшихся немцев. Я сам ещё не знал, что это за русское национальное государство. Империя ли или республика... Лишь потом с годами я осознал, какая это должна быть мощная структура, верная и полезная. Только некому её было выстраивать. Собственного государя мы убили в мерзком подвале.

– На вас не настучали? – удивился Рома.

– Может быть, в будущем и настучали бы. Однако в повозке ехали тогда только я да раненые. Они получили тяжёлые увечья и после отправились в мир иной. Я же понял, что держать язык за зубами – значит гарантировать свою безопасность.

А репрессивная машина, как вы знаете, никогда не дремала. Она всё время работала, повсюду разбрызгивая кровь своим свинцовым валиком. Хотите – обижайтесь, хотите – ругайте меня, но война, я считаю, была лишь следствием сталинской политики.

Хотите больше узнать о репрессиях, о внутренней политике тех жутких лет? Читайте Солженицына, ибо Исаевич всё по полочкам прекрасно разложил. Не люблю пересказывать одно и то же. Мне остается лишь рассказать свою *историю*...

По раздолбанной сельской дороге проехала танкетка, разбрызгивая вокруг грязь. Богатырёв выпрыгнул из телеги, заметив, что военная колонна, выехав из лесной чащи, подошла

к небольшой деревне. Похолодало, недавно прошёл гадкий дождь, с зелёных лугов медленно надвигался белый туман. Станислав попытался найти своего командира, который покинул своих солдат после очередного боя и пустился в бегство вместе с чужой частью. Мотивы такого поведения никому не были достаточно ясны.

«Теперь всех из-за него положат», – забеспокоился солдат.

Главного нигде не было видно. Проклиная всё своё существование, Станислав потрусил в сторону ближайшего дома, оставив раненых на попечительство старого доктора. Солдаты и командиры шли все расстроенные, уставшие. Большая часть из них однозначно оказалась деморализована. Одни просто шли молча, злобно уставившись в землю, а другие тихо бормотали себе невесёлые фразы под нос. Богатырёв, обгоняя медленно ехавшее противотанковое орудие, вошёл во двор, чтобы затем оказаться в нужном ему здании.

– ...так я не знаю, куда поехали танки! – черноволосый полковник, красный от пота, нервно переговаривался по полевой рации. – У меня рации вообще не было, понимаете? Мне из соседнего полка только-только привезли, одна рация на два полка – это, по-вашему, нормально? Что? Никак нет, я не могу начинать наступление: все бегут. А? Я вас не слышу! Приём!

Станислав проник во временный штаб. Хозяйка дома, древняя старушка, ловко проскочила мимо солдата в коридор, держа в руках глиняный кувшин со знакомой жидкостью. Помимо черноволосого командира, на кухне находился майор с повязкой на левом глазе и сотрудник НКВД. Последний оказался лысым, страшным и имеющий глубокий шрам, что проходил по диагонали через всё лицо. Его фуражка с синим верхом была идеально вычищена, а в кобуре вот-вот бы разразился огнём новенький ТТ. Тем временем все трое сидели, рассматривая широкую карту, развёрнутую на весь стол. Положения наших войск отмечались тусклым карандашом. Очень плохо, с перебоями, горела несчастная одна-единственная лампочка, свисавшая с потолка на проводе. Из открытого сзади окошка тянуло вечерней прохладой. Слава богу, приближающейся канонады боя пока не слышалось.

– Под трибунал пойду?! – взвизгнул полковник, испуганно продолжая разговор. Его усы нервно дёрнулись. Сотрудник органов госбезопасности живо оживился при этом, хладнокровно прищурившись и уставившись прямо в глаза возбуждённому командиру.

– Все пойдём, – как-то странно подтвердил НКВДшник, кивнув головой.

– Чтобы начинать наступление, мне нужен Октябрьский вместе с его проклятыми танками! – гаркнул в трубку полковник, прекращая играть в гляделки с чекистом. Он вытер серым платком выступивший со лба пот. Тем временем старушка вновь появилась из тёмного коридора, принесла овощей, холодное мясо и самогон военным и снова удалилась. – Послушайте, я потерял огромное количество людей. Сейчас всё разбросано, разведка ни черта не действует. Немцы нас дожимают со всех сторон, я не знаю, куда мне бить! Найдите мне Октябрьского, пришлите Семёнова, тогда, может быть, мы сможем хоть что-нибудь сделать. Мы смогли разбить фрицев около Малиновки, но мне пришлось дать приказ об отступлении, чтобы не попасть в кольцо. А всё случилось потому, что кто-то сверху приказал Октябрьскому отступить первым...

– Передайте, что единственный способ остановить войска Рейха сейчас на нашем направлении – соединиться со всей дивизией в Старогороде, – впервые подал голос раненый майор. Он говорил очень тихо, но уверенно. Уцелевший его глаз покрылся слезой, которую он мигом вытер мощным кулаком.

– Послушайте... – махнул полковник свободной рукой, как будто бы невидимый собеседник стоял перед ним и в чём-то настойчиво убеждал. – Гагин... Гагин предлагает, чтобы все соединились в Старогороде и дали достойный отпор.

Тут черноволосому высказали что-то уж совсем нелестное.

– Что?! Да как так можно... Я же предложил самое лучшее! Что?! Сам пошёл, старое кошацье дерьмо!

И в приступе ярости полковник кинул трубку на стол. Карта слегка смялась.

– Я бы попросил уважительно относиться к казённому имуществу, – железно прочеканил НКВДшник.

– А вы, Исаак Иосифович, можете взять меня в свой чёртов ГУЛАГ прямо сейчас! – в изнеможении прошипел командир, выставив вперёд обе руки, чтобы чекист мигом накинул на них наручники. – Либо расстреляйте вовсе.

Однако гебист не стал арестовывать или убивать своего собеседника.

– Ой, ну что вы, Геннадий Викторович! – медленно развел руками НКВДшник. В его словах можно было ясно слышать нотки сарказма. – Ваш военный гений мне ещё нужен. Необходимо как-то вывезти всю эту огромную массу людей, превратить снова в боеспособную армию... А вы тут сидите, Геннадий Викторович, слюни распустили, как детсадовец, старшего вас по званию командира посылаете. Товарища Сталина вы бы так же послали?

Кривые уголки его рта приподнялись, образуя наглую ухмылку.

– Он первый меня послал! – оправдывался полковник.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Предложение Гагина я передал, мне грубо отказали, в то время, когда немцы стоят в двадцати километрах от нас!!! – окончательно взорвался Геннадий Викторович. – Что ещё прикажите мне делать!?

– Ну, для начала успокоиться. – Исаак Иосифович продолжал ухмыляться, беря рацию одной рукой и поднимаясь. – Вот эта штука вам больше не понадобится. Октябрьский пропал, Семёнов ждет приказа сверху, а на самом вершине ничего ещё толком не знают.

– Может, вы мне сами посоветуете что-нибудь дельное? – выпучил глаза командир. – Может, в душе не у меня, а у вас живёт Багратион или Кутузов?

– Больше всего мне понравилась идея товарища майора. – Чекист кивнул на Гагина, вытирая рот рукавом. – Он единственный из нас сохранил ясный ум и может мыслить критически. Остальные трясутся за свои шкуры. В общем, товарищ полковник, действуете согласно его инициативе. Выходите к Старогороду и постарайтесь со всеми соединиться. Тем не менее учтите, что в этот населённый пункт будут метить все вражеские части. А рацию я сейчас повезу в Верхнеозёрское, там тоже нужна связь, не одни вы тут любители поболтать. Перед этим кое-куда заеду. И, кстати, запомните: вы мне нужны. *Пока что.*

С этими словами Исаак Иосифович двинулся к выходу, но вдруг резко остановился перед Станиславом.

– А вы часом не знакомы с Рудольфом Штальмом? – Гебист буквально пронзил его голову своим прожигающим взглядом.

– Никак нет... – Богатырёв растерянно пожал плечами.

– Вы уверены, товарищ ефрейтор? – как-то странно надавил Исаак.

– Так точно, – пробурчал солдат.

Хлопнула входная дверь в дом: НКВДшник немедленно удалился.

– Виноват, – Станислав запоздало отдал честь, – что стал невольным свидетелем вашей беседы.

– Да чего уж тут теперь скрывать, – вздохнул полковник, отрешённо уставившись на нетронутую пищу. – Что вы хотели, товарищ ефрейтор?

– Наш командир части Плигин предварительно покинул своих людей, отступив с чужими...

– Прямо второй Октябрьский, – грустно улыбнулся Гагин.

– И Плигин туда же? – Геннадий Викторович долбанул кулаком по столу. – Да что сегодня за ненормальный день?

– Да вообще время сейчас настало ненормальное, – кратко, но точно отметил майор. – Бесовский бал, гроза кругом.

– Командование временно принял на себя капитан Панов, но управляться с подобной массой ему очень тяжело, – продолжал Станислав. – Меня послали найти Плигина, вот я подумал, что, может быть, он у вас.

– Нет у нас его, – прохрипел старший командир, наливая себе самогон в мутную рюмку. – Продолжайте двигаться вместе с остальной колонной и передайте Панову, чтоб продолжал руководить. У него хорошо это, видимо, выходит, раз большинство народа не разбредось по лесам. А о «геройстве» Плигина скоро прознает особист, который только что здесь... – Полковник хотел сказать «надавливал». – Гм, беседовал с нами. Так что можете не беспокоиться, не забудется.

– Так точно! – проговорил Богатырев, выходя из дома.

– Что касается битвы за Киев, товарищ Гагин, – за закрывающейся дверью еще слышался голос Геннадия Викторовича. – Считай, что ее мы уже проиграли.

Станислав и не заметил, как прошёл пешком почти что через всю деревню. Проплывали мимо убогие домишки, сонные местные жители, влажные берёзы, запачканные солдаты. Где-то высоко с гулом пролетели самолёты. В голове у ефрейтора всё смешалось: мысли о судьбе родных и близких, стремительное наступление Германии, неостановимое отступление советских войск, необходимость как можно быстрее попасть в Старогород, неприятный чекист, деморализованные и отчаявшиеся командиры...

В сумраке солдат вышел к старому железнодорожному полотну, ухидившему в сторону брошенного завода по переработке угля. Совсем неслышно начинали петь сверчки. В темнеющей лесной чаще на юге тревожно ухнула сова. Свинцовое небо время от времени расступалась, и в появлявшемся пространстве можно было видеть бледно-жёлтый диск луны, а также ярко сияющие звезды. Мокрая трава шелестела под сапогами. Чрезмерная свежесть нынешней ночи стала неприятна.

Пройдя по старым растрескавшимся шпалам вперёд, Богатырёв уткнулся в ограду из колючей проволоки высотой в человеческий рост. Отделённый периметр охраняли непонятные люди с автоматами в руках. Ещё чуть впереди расположился железнодорожный состав. Находились в нём и товарные вагоны, а к окнам пассажирских были накрепко приварены решётки. Не спеша поднимался дым из трубы локомотива. Виднелись огоньки папирос.

«Надо бы искать командира да сваливать отсюда», – нехорошие мысли прокрались в голову солдата, но что-то предостерегало его от ухода. Нечто ему необходимо было увидеть.

– Интересно, что сейчас с Катюшей? – вздохнув, пробубнил Станислав. – Где ты, милая, где ты, родимая? В какой край тебя занесло?

И тут он увидел арестантов.

Признаться честно, Богатырёв был прекрасно наслышан об этом явлении. Газеты постоянно писали об арестах «врагов народа», о «кулаках» и «классовых врагах», о «каэрах» и «троцкистах», которые могли загубить светлое социалистическое будущее. Государственная пропаганда представляла человека, пошедшего против советской системы, как безнравственного, бесстыжего, подлого дегенерата, который только и хотел навредить идеальному обществу СССР. Подобного человека, по мнению авторов советского права, требовалось безжалостно уничтожать, втаптывая в землю.

«Кто не с нами, тот под нами», – примерно такой был девиз рабоче-крестьянского строя. При этом строе стреляли в рабочих и душили крестьян.

Но кто из историков поправит нас и расскажет интересующемуся читателю, насколько этот строй пришёлся рабоче-крестьянским или социалистическим? А может быть, сейчас вылезут ортодоксальные коммунисты, обвинив всех читающих это произведение в «предательстве» и «власовстве»? Эти умники непременно начнут уверять, что репрессии полностью оправдали себя. «Так надо было», «граждане нуждались в железной руке», «всё это во благо народа». Короче говоря, всё оказалось хорошо и замечательно, а тот факт, что мучали и убивали сотни тысяч ни в чём невиновных, – это ничего страшного? Да, это сплошное ничто, всего лишь издержки большевистской системы! «А вы сошлитесь нам на *официальные* источники, что так действительно было», – проскрипят своими жёлтыми зубами наши безумцы. Ничего сложного, если будет необходимо, то пласт широких доказательств всегда можно будет предоставить. Жаль, что это не убедит *искренне верующих в коммунизм*.

Однако Станислав понимал, что такое большое количество людей, вся эта масса, уничтожаемая системой, не могла быть на подряд террористами, шпионами и вредителями. Он только осознал, что губилось невиновное большинство. Богатырёв догадывался, что репрессии происходили не только в 1937—1939 годах. Они являлись постоянными и шли всё время с момента установления советской власти!

Но пусть эти люди действительно бы были яркими и активными противниками данного государства. Что же это за такая кошмарная система, которую хочет свергнуть такое большое количество народа? Каким надо быть параноиком и душевным уродом, чтобы постоянно искать заговоры и сговоры?

Многих репрессированных Станислав знал лично. Он прекрасно знал характеры тех людей, которых увозили чёрные «воронки». Невозможно ему было представить, как тот или иной человек закладывает бомбу под кресло председателю колхоза или нарочно портит рельсы на пути крупного товарного состава. И стало совсем грустно, когда одноклассника Богатырёва арестовали лишь за то, что тот случайно, споткнувшись, вылил суп из тарелки на портрет Сталина.

Станислав ошибочно полагал, как и многие другие люди, наблюдавшие за зверствами системы, но не попавшие в её жернова, что он и дорогие ему люди избегут мучений и страданий, исходящих из гулаговской пропасти. К сожалению, он вогнал себя в наивную иллюзию, считая, что этот страшный мир существует не в его, а в другой реальности, и никогда эти две вселенные не соприкоснутся. Как же жестоко ошибался солдат!

Ефрейтор поглядел на «врагов народа». Он насчитал где-то человек тридцать. Все были запачканные, потрёпанные, злые, уставшие. Одни топтались на месте, другие сидели прямо на голой земле, копясь в нехитрых пожитках. Много оказалось как старых, так и молодых. Некоторые уныло, без интереса уставились на пришедшего солдата. Поразительно: шла война, а у системы нашлось время заниматься «охотой на ведьм». Впрочем, она будет делать это и после окончания Великой Отечественной.

– Убирайтесь отсюда, молодой человек, пока вас не захапали вместе с нами! – яро прошептала худая, но бойкая старушка. – Идите, защищайте родину! Не то умрёте в лагерях, муж мой уже умер.

Станислав прошёл еще дальше. Арестанты разговаривали между собой очень тихо, чтобы, не дай бог, не услышали конвоиры.

– Ночью меня забрали, как и соседа, – грозно шипел безбородый старик, почёсывая расцарапанный подбородок. – Кто сдал – понятия не имею. Что же за сволочные люди у нас живут?

– Та це ще нічого! Мене чомусь вдарили по голові. І пхнули в їх автобус. Сказали, що я бандерівець. Баста! – жаловался молодой украинец. – Але ж так добре жили, поки більшовики не прийшли.

Как невидимый наблюдатель, Богатырёв продолжал свой путь мимо колючей ограды. «Сколько разного народа! – только и мог подумать он. – Сколько жизней, сколько судеб».

– Не понимаю: за что, ну за что? – сокрушался молодой студент, сидя на маленьком чемодане. – Я сотрудникам сказал, что и к службе годен, и воевать могу. А они... Эх!

– Я тоже думала: не дойдёт, не дойдёт, – вздохнула светловолосая женщина лет пятидесяти. – Зря надеялась, дура наивная.

– Неужели отправят на Крайний Север? Неужели?

– Да ладно вам, – отмахнулась женщина. – Там везде плохо. Во всех местах всё одинаково.

– Почему товарищ Сталин это не предотвратит? – наивно вылупил глаза студент. – Ведь он сам говорил, что государство нуждается в хороших образованных специалистах. А я, между прочим, почти что инженер! Нет, нет, это все игры Берии и Кагановича. Иосиф Виссарионович одумается и наведёт порядок, уверен в этом.

Вдруг Станислав увидел очертания знакомой фигуры, сидевшей около огня, что полыхал из кривой жестяной бочки. Богатырёв прищурился, встал так, чтобы можно было разглядеть лицо. Он обомлел моментально. Ноги его задрожали, застучали зубы, словно тот попал в лютую метель. Возле своеобразного костра сидела девушка, его ровесница. Она, частично скрытая мраком, выставив вперёд изящные руки, пыталась согреться, скромно чихая от надоедливой сырости. Некогда красиво постриженные ноготки её пальцев загрязнились и расцарапались. Милое личико с родинкой на правой щеке побледнело, кое-где уже начали проглядывать морщины. Одетой она оказалась в бедняцкие обноски – плащ, рваные штаны и старые сапоги – которые никак ей не соответствовали. Из розового платка выпали нежные русые волосы, еще не успевшие загрязниться. Маленький, слегка вздёрнутый носик её часто шмыгал. Голубые глаза, похожие на два бездонных озера, наполнились грустью и тоской. Она, прикусив нижнюю губу, сидела, как мраморная статуя, погруженная в свои мысли. Имея сильное спортивное тело, сейчас девушка сгорбилась, как будто являлась болящей, умирающей старушонкой.

– К-Катя... – попытался крикнуть Станислав, но голос его сорвался и превратился в отвратительный хрип. Парень нервно закашлялся.

«Почему, почему, почему?! – единственной мыслью стала занята голова Богатырёва. Так сильно он никогда не был взволнован. Никогда не думал, что подобное произойдёт и тут на, пожалуйста, самый худший из кошмаров свершился мигом. – Почему она здесь?!»

– Станечка! – Девушка пропела и мигом вспорхнула со своего места, как ласточка, кинулась к ограде. Молодые люди обнялись, как смогли, невзирая на железные колючки. – Станя, я думала, я уже была уверена, что мы никогда больше не увидимся!

Они шептались, шептались так, чтобы их не услышали и не обнаружили гебисты. Но разговаривали они ярко, страстно, трогая и лаская друг друга, словно в первую брачную ночь, до которой им нужно было ещё и дожить.

– Ты живой, слава богу! – улыбнулась Воронова, обнажив два ряда белоснежных зубов. – Война же кругом, война, неразбериха, ты здесь...

– Милая, как ты оказалась здесь? – наперебой спрашивал Богатырёв. – Они издевались над тобой? Били? Наси... – Он прервался, сжав колючку так, что из ладони слегка потекла кровь. – Они сделали это с тобой?

– Нет, ничего этого не было. – Катя пожалала круглыми плечиками. – Вот только... Платье. Помнишь то алое платье, которое мама мне подарила на день рождения? Мы уже позна-

комились с тобой, ты был тогда. Туда ещё дядя Толя приходил, помнишь, как сильно он выпил и что потом начал вытворять?

– Ещё бы такое забыть! – прикрыл глаза руками Станислав, вспоминая весёлые проделки пьяного дяди Толи.

Они тихо посмеялись.

– А платье, – продолжала девушка, – следователь заставил снять. Ты не бойся, ни при нём. Я переделалась вот в то, что мне дали. А платье моё конфисковано было и ушло как социалистическая собственность. Ну, вернее, на нужды жены следователя.

– Вот же собака! – прошипел ефрейтор. – Ну подонок!

Ненадолго установилась пауза.

– Прости меня дуру, родимый, – всхлинула Воронова. – Я не могла без тебя вообще, честно. Сердце кровью обливалось, замучилась я, как не своя была. Сбежала из дома и на единственный поезд, последний, успела к тебе на Украину...

– Катюша! – перебил её Богатырёв, недоумевая. – Ну зачем ты это сделала, зайка моя? Какие больные люди гражданских в зону военных действий ещё доставляют, если здесь наоборот бегут все? Послушай, а если бы ты погибла? Пропала без вести? Как я бы без тебя был, дорогая? Тут по-настоящему опасно, Катя: Германия почти что под Киевом стоит. Даже если бы мы и встретились в более-менее спокойной обстановке, то что ты делала бы дальше?

– Я не знаю, Станя, – крупные слёзы полились из её уставших глаз. – Прости меня. Просто прости.

Они вновь попытались обняться. При этом проволока нагло уперлась в Катин лоб. Тем временем некоторые арестанты восхищённо наблюдали за этой романтической сценой, не смея проронить ни слова. А худая старушка даже проползла почти что к концу состава, чтобы постараться предупредить солдата, если НКВДшники станут приближаться. Что за смелая женщина!

– Меня по-любому схватили бы, Станечка, – отрешённо покачала головой девушка. – Как Ступина за вредительство, как Дятлова за саботаж, как того торговца на рынке нашем за спекуляцию, как бабу Варвару за проклятые «колоски», как Мишку Шпагина, который портрет Сталина-то испортил. Дело, оказывается, завели ещё до отъезда на Украину. В ГУЛАГе ведь кончаются работники.

Она улыбнулась, но уже злобно. В её глазах блеснул огонек ненависти.

– Когда они уже все перемрут, Станя? – было очень непривычно слышать подобное от хрупкой и милой девчонки. – Когда их в асфальте похоронят вместе с Гитлером и их колючей проволокой? Когда они в собственных застенках кровью плевать будут?

– Я не знаю, милая, – тяжело вздохнул ефрейтор. – Я не знаю...

Катя, успокоившись, немного поостыла.

– Меня обвиняют в связях с какой-то «Подмосковной правотроцкистской группой», в которой я, конечно, не состояла, – повернув голову, она уставилась в ночную тьму. Костёр отбрасывал причудливые тени. Сейчас красавица выглядела очень смелой. – Нет, я не лидер, за это сразу полагался бы расстрел. Они считают, что я была на посылках, выполняла для оппозиционеров всякую мелкую работу. А на Украину, по их мнению, я поехала, чтобы наладить связи с немецкой разведкой.

– П-погоди, – удивлённо хохотнул Станислав. – Но, как я понимаю, нацисты и троцкисты – это люди, мм, мягко выражаясь, идеологически несовместимые.

– Я тебе передаю лишь то, что мне наговорил следователь.

– Ха, – отмахнулся солдат. – Чудеса советского правосудия.

– Такие вот дела. – Воронова недвусмысленно уставилась прямо в глаза Богатырёву, нарочно облизнув губы.

– С тобой как будто ничего и не случилось. – Солдат сделал вид, что ничего не заметил. – Тебе уже весело?

– Потому что появился ты. – Девушка ещё раз поцеловала его. – Помни, Станя. Если я умру или ты умрёшь... Если мы оба умрем. Я всё равно буду любить тебя. Вечно, – как-то особенно добавила она.

– Я даже боюсь представить, что они делают с женщинами в лагерях! – Богатырёву было не до романтики. – Прошу тебя, держись, моя хорошая! Борись, борись до конца. Если я пройду через эти испытания, но не встречу тебя после я... не смогу без тебя, не выдержу.

– Делай, что должен... – проговорила Катя.

– ...и будь, что будет, – закончил Станислав.

Молодые вновь замолкли.

– Кстати, кто тебя сопровождает? – успел поинтересоваться ефрейтор.

– Розенберг его фамилия, Исаак Иосифович, кажется! – оживилась героиня.

Договорить молодым помешала та самая бойкая старушка.

– Ребята, – громко шикнула храбрая женщина. – Ребятки! Разбегайтесь немедленно: чекисты идут.

Вдруг из-за последнего вагона вышли люди в синих фуражках, вооружённые пистолетами-пулемётами. Идущий впереди нёс в руках большой фонарь, освещающий дорогу на добрых десять метров. Катя успела быстро вернуться на своё место, благо мрак ночи прекрасно смог её скрыть от надвигающихся НКВДшников. «Кто там, блин, разговаривает? – мерзко рявкнул один из конвоиров. – Жить надоело, враги родины?» Станислав резво рванул прочь от ограды и понёсся вниз с железнодорожной насыпи. Посыпались камни, взвилась придорожная пыль. Он пробежал через просёлочную дорогу и оказался в небольшой берёзовой роще. Кажется, стрелять вслед никто не собирался. «Мерзкие гады», – сплюнул солдат на сырую землю. Неожиданно ветер резко усилился, с неба стало потихоньку капать. Отчётливо прогремел гром. Отдышавшись как следует, Богатырёв оглянулся. Двое гебистов уже ушли. А третий, тот, что был с фонарём, стоя у колючей проволоки, продолжал пристально вглядываться в темноту, в которую убежал ефрейтор. Создавалось ощущение, будто особист прекрасно видит солдата.

Почему-то Станислав был уверен, что стараться разглядеть его пытался именно Розенберг.

– Геннадий Викторович Шаповаленко был отличным командиром. Являлся выходцем из известного рода. Достоин сражался солдатом против белых, веря в правое дело большевиков. Был выпускником элитного военного училища, стал потом почётным ветераном Халхин-Гола. Чудом избежал репрессий, так как следователь, который должен был в первый раз вести его дело, попал под машину, а материалы обвинения сгорели при пожаре. Жалко, что он оказался не готов именно к такой войне. Как вы поняли, бедняга полностью сломался...

Богатырёв, замолчав, побарабанил пальцами по серой лавочке остановки.

– Довольно-таки странное «чудо», – заметил Рома. – Уж не сам ли полковник всё это устроил?

– Шаповаленко был человеком чести, – отрицательно помотал головой старый воин. – У него не было связей ни в госбезопасности, ни в партии, чтобы провернуть подобное. Да если бы и были, он так бы не поступил: совесть не позволила бы.

– Ну а что с ним стало в итоге? – поинтересовался Доброградский. – Отправили в ГУЛАГ-то по собственной инициативе?

Станислав Константинович не уловил юмора профессора.

– После того, как РККА потеряла Украину, Геннадия Викторовича сняли с должности, лишив при этом раннее полученных наград. Его арестовали и продержали сравнительно недолго. Обвинили в развале подчинённых ему войск, предательстве и связях с фашистами. Устроили травлю его боевыми товарищами и родным. После Московской битвы его расстреляли под Ленинградом.

– Это печально, но предсказуемо, – вздохнув, медленно покивал головой пожилой учёный. – Сколько ещё было похожих историй! Виноват был кто угодно, но никак не советское правительство.

– Он стал жертвой обстоятельств, – понимающе продолжал ветеран. – Бывает, знаете, в жизни так, что всё плохое и самое гадкое на тебя сваливается в один миг, а ты не можешь со всем этим справиться, ибо не обладаешь ни нужными силами, ни ресурсами. То же самое случилось и с Шаповаленко. Слишком много для одного человека, друзья мои. Зато он сделал всё, что смог.

– Его хотя бы реабилитировали? – Роману хотелось знать каждую деталь о драматичной судьбе этого советского военачальника.

– Ага, в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом, – подтвердил Богатырёв. – Правда, кому нужна была такая справедливость, ведь не стало человека! Хоть его измученной старухе вдове было утешение.

– А что случилось с Гагиным?

– Да там совсем иная история! – улыбнулся Станислав Константинович. – За «Старгородскую инициативу» его наградили орденом Красной Звезды. Его ждало положительное внимание в узких кругах. Ну, вы понимаете, о чём я? Наш майор успешно продвинулся по карьерной лестнице и после войны. Но перед лавровыми венками ему нужно будет пройти через Москву, Сталинград и Берлин.

– Послушайте, а про какого Рудольфа Штальма спрашивал Розенберг? – решил уточнить Виктор Сергеевич. – Вы смогли выяснить что-нибудь?

– Так я об этом вспомнил лишь в начале пятидесятых, меня как будто осенило! – воскликнул Богатырёв. – У нас в посёлке был один управляющий: то ли немец, то ли еврей. Биография у него была чистая: активно помогал большевикам во время революции и Гражданской войны, являлся членом партии с тысяча девятьсот двадцатого года, в общем, яркий активист и популист. Лизоблюд он был тот ещё и к концу двадцатых годов полностью влился в доверие к местным властям. В нашем селении среди коммунистов он был кем-то вроде авторитета, которому не следовало переходить дорогу. Простой народ его побаивался: ходили слухи, что с помощью дружков из ОГПУ-НКВД он расправляется со своими оппонентами. Для обычных людей он был тёмным, скрытным, лицемерным человеком. Но партийные ох как лестно отзывались о Штальме! Наконец, Рудольф добился своего, став поселковым управляющим. Преспокойно избежал репрессий.

Перед самой войной, как помню, двенадцатого июня, через наше селение должны были перегонять груз, набитый дворянскими драгоценностями, которые обнаружили в виде клада где-то на юге Подмосковья. Конвой, конечно, был вооружённым и охранялся, как вы думаете, кем? Правильно, нашими доблестными чекистами. Один большущий грузовик и шесть автомобилей сопровождения остановились, чтобы охрана отдохнула, а транспорт был дозаправлен и отремонтирован где надо, благо у нас имелась неплохая машинно-ремонтная станция. Штальму было поручено сопровождать чекистов и объяснять, где что в Быково находится. А утром наши милиционеры обнаружили шестёрку пустых автомобилей. Пресловутый грузовик отсутствовал. Гебистов нигде не было.

В ужасе местные стражи порядка (которые в это дело совсем не были посвящены как ненадёжные) ринулись к Рудольфу, чтобы тот принял хоть какое-нибудь оперативное решение и сообщил наверх о случившемся. Однако и Штальма след простыл. Милиция и мои

едва проснувшиеся соседи в спешке стали прочесывать поселение, обыскали дом нашего «любимого» главы. И что вы думаете? В его жилище остались исключительно голые стены, вещи и всяческая утварь пропали.

– Офигеть! – изумлённый, Рома не смог сдержаться.

– И это ещё не всё, – продолжал старый воитель. – К сожалению, в центр сообщили очень поздно. К трём часам дня в Быково приехал другой разъяренный отряд чекистов, часть подольского НКВД. Они люто орали, что всех перестреляют, хотели свалить вину на наших бедных милиционеров и моих земляков. Довели мать до истерики, перепугали братьев и сестру, изверги. В конце концов, поняв, что никто из селян не виноват, умчались. Остальное я узнавал только из слухов, в газетах о таком грандиозном провале нашей «непобедимой» госбезопасности ничего не писалось.

– И что у вас получилось узнать?

– Практически ничего. Ясно было одно: с НКВДшниками наш дорогой Рудольф Штальм был в сговоре. Эти персонажи были объявлены во всесоюзный розыск, но следов их так и не нашли. Вот она истинная сущность коммуниста: волк в овечьей шкуре!

– А как Розенберг на фронте смог вспомнить, что вы жили с Рудольфом в одном посёлке? – недоумевал Доброградский. – И почему этот особист подумал, что вы как-то с ним связаны?

– Видимо, у Розенберга была феноменальная память, – пожал плечами Богатырёв. – Но, вероятно, тогда вспомнить он всё не смог. Я на самом деле сказал ему правду: со Штальмом мне действительно не приходилось знакомиться *лично*. Я никогда не общался с нашим главой. И я до сих пор рад, что в той избушке не наговорил против себя ничего лишнего. Быть может, чекист, узнав жителя того самого злополучного для НКВД Быково, решил возобновить дело о пропавшем кладе? Выбить из меня показания, чтоб это расследование не превратилось в позорнейший «висяк», мм?

– Ну и переплетение судеб! – воскликнул Роман. – Прямо везде этот ваш Исаак Иосифович. Железное лицо Лубянки!

– Тем не менее как за десять дней до начала Великой Отечественной было возможно вывезти машину с тяжёлым грузом с территории СССР? – дивился профессор. – Я сомневаюсь, что такую находку эти преступники оставили в Советском Союзе. Ведь Рудольф был не один! Как можно было так долго укрывать транспорт и такое немаленькое количество сообщников? Им нужен был либо корабль, либо самолёт. Куда можно уйти чуть больше, чем за неделю? В почти что полностью оккупированную Европу через Украину или Белоруссию? В Финляндию через непроходимые леса? Северными портами выплыть в нейтральную Швецию или США? Невозможно же это, Станислав Константинович!

– Нам лишь остаётся признать, что Рудольф Штальм и его дружки были мастерами своего дела. Профессионалами... – развёл руками Богатырёв. – Очень может быть, что свои последние годы они доживали в прекрасной развитой стране, купаясь в роскоши. Если, конечно, не перебили друг друга из-за дворянских сокровищ.

– А что содержал в себе клад?

– Это было неизвестно ещё в самом начале. Дело потом совсем замяли, и простой народ ничего не знал даже на уровне Московской области. Так вот.

Мимо остановки развязно прошло двое приезжих с юга. У одного из молодых людей, праздно шатавшихся по Москве, в открытой для взора кобуре можно было увидеть позолоченный пистолет Стечкина. Непонятно, от каких особо опасных врагов собирался обороняться такой гражданин, ибо имел он спортивное телосложение и в любой передрыге мог бы постоять за себя и врукопашную. Второй, маленького роста, не такой крепкий и высокий, как первый, горделиво нёс в руке «iPhone» последней модели, из которого вовсю звучала определённая музыка. Пренебрежительно глянув на последнего ветерана и учёных, парочка,

разговаривая на родном языке, двинулась к ларьку с фаст-фудом, которая стояла недалеко от проезжей части.

– Тоже россияне, – иронично хихикнул профессор Доброградский.

– Ой, Виктор Сергеевич, ещё обращать на них внимание! – равнодушно отмахнулся

Рома. – Давайте лучше Станислава Константиновича дослушаем.

Он обратился к старому воину.

– Может, вы нам про Катину судьбу расскажите?

– Вы правы, Роман, нечего обращать внимание на этих бездельников. – Богатырёв пристально всматривался туда, куда ушли наглые мигранты. – Эти «товарищи» только и ждут, что их покорят негативом. Больше холодной сдержанности. Давайте про любимую я после расскажу? Чтобы каждая деталь выстраивалась в необходимой последовательности.

– Вам решать... – пожал плечами профессор. – В любом случае, мы все внимание.

– Что касается битвы за Москву, первой битвы, после которой начался перелом, то я в ней не участвовал. Вместе с капитаном Пановым мне было приказано сопровождать генерала Шаповаленко в Ленинград. На самолёте, словно персоне первого класса. Мы перелетели через всю Россию прочь от Златоглавой. Новости тогда доходили очень скудные, поэтому ничего не могу сказать о каком-то ощущении эпичном либо геройском. Я только в тысяча девятьсот сорок шестом узнал, что германцы могли видеть в бинокль купола московских храмов, в которых верующие вымаливали общее спасение...

Я всегда буду уверен, что моим соотечественникам приходилось гораздо хуже во время сражения за Белокаменную. Одному богу было известно, как развернулся бы ход войны в те дни. В том крупнейшем побоище участвовал мой друг и боевой товарищ, Андрей Акинфеев, с которым мы познакомились перед Сталинградом. От него-то и удалось мне узнать все подробности тех событий.

Глава третья

Московская битва была одним из тяжелейших испытаний в истории русской нации. С июля по сентябрь 1941 года удалось задержать немецкие войска под Смоленском, частично сорвав блицкриг. Также дополнительные силы, предназначавшиеся для разгрома Первопрестольной, оказались оттянуты сопротивлением под Киевом и Ленинградом. Однако, несмотря на героические попытки советских солдат и командиров остановить Третий рейх на территории уже самой РСФСР, набравшийся в Европе опыта противник получил возможность пробиваться дальше, к сердцу России – Москве. Казалось, что германцы резали нашу оборону, как нож – масло. Новые силы у СССР пока не сформировались, пораженческие настроения вполне могли захлестнуть наших воинов. Гитлер поскорее мечтал взять столицу, чтобы начать ставить точку в своём кровавом походе на восток.

Сложно было бы написать даже в одной книге, что значит Москва для русского человека. Этот город приходился не только экономическим, политическим, социальным и культурным центром нашей страны. Он будто являлся живым существом, состояние народа и родины в котором отражались, как в зеркале. Здесь принимались важнейшие решения, оказывающие влияние порой не только на Россию, но и на весь мир. Москву всегда мечтали покорить различные захватчики, стольный град не один раз уничтожался или разорялся. Татаро-монголы, поляки, французы – кто не побывал здесь раньше? Тем не менее каждый раз его упорно отстраивали или восстанавливали заново. Москва оказалась подобной растению с глубокими корнями: можно было уничтожить вершок и вытоптать верхний слой земли, где он прорастал, но молодой стебель всегда пробивался снова вверх, навстречу солнцу.

Многие обвиняют Москву в помпезности, величавости, имперских амбициях. Данный ход размышлений не лишён оснований: большое количество правителей имели «длинные руки» и, сидя в этом городе, проводили политику широких завоеваний, порой жестоко и спешно присоединяя к России новые земли. Москвичам в чём-то постоянно завидовали, одновременно считая их тёмным мещанским болотом, неспособным отстаивать свои права, в отличие от петербуржцев. Жителям Москвы примешивали чрезмерную консервативность и верность старым порядкам. Не исключено, что по этой причине старые улицы, церкви, храмы и иная архитектура интенсивно сносились новой властью. На их местах возводились новые монументальные сооружения, показывающие торжество нового порядка над ценностями и традициями поверженного режима. Хочешь, чтобы определённую эпоху забыли – просто уничтожь её памятники, чтобы люди больше о ней не вспоминали и не держали в своих головах. Всё гениальное извечно просто.

Немосквичи, не любящие стольный град, по-любому желают хоть раз в нём побывать. Что за удивительный феномен! Москва как лакомый кусочек всё время притягивала к себе людей со всей России, к сожалению, порой очень разных по характеру, духу и ментальности. Здесь же собирались и лучшие умы, цвет нации: инженеры, учёные, писатели, поэты – особенно после того момента, когда большевики по соображения безопасности дали опи-сываемому городу столичный статус и сами перебрались сюда. Разумеется, до определённого мига Москве давалась роль будущего земного центра, главной точки всемирного коммунистического государства. К счастью, интернациональные мечты относительно недавних хозяев Златоглавой были развенчаны разыгравшейся кровопролитной войной.

В начале октября 1941 года войска Западного фронта попали в окружение под Вязьмой и Брянском. Образовалось незащищённое пространство в полтысячи километров, которое некому было оборонять. 15 октября в Москве объявляют эвакуацию, что приводит к обширной панике на следующей же день. Создавалось ощущение, что сама природа благоволит оккупантам, наказывая русских за все грехи, что они натворили после 1917 года. Бабье лето

позволяло Вермахту спокойно и быстро продвигать наступление дальше. По сухим дорогам, зелёным лесам и золотым нивам Центральной России решительно стремилась германская техника.

Неожиданно произошла климатическая аномалия. 18 октября начались обильные снегопады, позже переросшие в дожди. Немецкая громада буквально увязла в этой распутице почти на две недели. Благодаря этому промедлению удалось вовремя перекинуть с Дальнего Востока свежие силы – десять дивизий. 15 ноября начались заморозки, позволившие гитлеровцам идти вперёд. Стала лютовать суровая русская зима – у Рейха не получилось взять столичный центр до начала холодов. Вторгшимся не хватало зимней смазки, тёплого обмундирования. 5 и 6 декабря 1941 года советские войска переходят в контрнаступление.

Пять десятков пехотинцев стояли посреди разбомбленной деревни, Ильинки, пре-вращающейся в охлаждённое пепелище, посреди заснеженных полей. Из всего поселения частично уцелел лишь крайний восточный дом, половина которого небрежно валялась кусками на неогороженном участке. Почти все жители бежали либо оказались убиты. На середину деревни несколько дней назад упал сбитый бомбардировщик Do 217, в трёх местах застыли остовы танков БТ-5, Т-26 и немецкого Pz II. Линия фронта находилась в считанных километрах отсюда. Колонна из военных грузовиков проехала в обратном направлении от простреленного знака, который вместе со стрелкой и надписью на нём указывал дорогу на Москву. И правда, отступить больше было некуда.

Час назад пилоты самолётов-разведчиков У-2, пролетевших на предельно опасном расстоянии от земли среди уснувших елей, насчитали в четырёх километрах от Ильинки значительные скопления немецких войск, включая большое количество людей, автомобилей, танков, САУ и артиллерии. Вся эта масса целилась в линию, где оборона была менее всего прочна. В случае порыва русских позиций вблизи Ильинки германцем открылся бы свободный доступ на шоссе, ведущего непосредственно к порогу Первопрестольной.

После короткого инструктажа воители собирались в путь. Майор Гагин, с повязкой на несуществующем глазе, как пират с Карибского моря, оказался скуп на слова, стоя в кузове внедорожника ГАЗ-64. Он и по жизни являлся человеком немногословным, скромным, сдержанным. Именно такой командир нужен был защитникам России в те тревожные минуты, а не истеричный, импульсивный популист, рассказывающий об идеологическо-политическом противостоянии Советского Союза и Нацистской Германии. Жаль, что многие такие, как Гагин, оказались беспричинно убиты в ходе «Большого террора».

Присутствующие понимали всю опасность, всю важность предстоящего сражения. Слушали молча и внимательно, внимая каждому слову. Внутри осознавали, что скоро произойдёт поворотный миг, который полностью решит судьбу войны. Мысли о проигрыше были страшны: никто не хотел отдавать отчизну на растерзание бессердечного коварного супостата, все думали об участии родных и близких. Мутны приходились и мысли о победе: куда бить, когда одолеем немцев под Москвой, если со всей Европы лезут захватчики, как саранча, да ещё сзади, около Тихого океана, метит агрессивная, милитаристская Япония?

Убогая старуха с опухшим левым глазом в подавленном раздумье перекрестила уходивших бойцов, как собственных сыновей. Одной рукой пожилая женщина удерживала мальчика лет восьми, в глубоких глазах которого не осталось ни капли детства. Скорее всего, паренёк для неё оказался последним родным человеком, кто остался в живых в этой мясорубке. Внук был морально потерян, но всё-таки уже горел желанием возмездия. Настоящий ребёнок войны.

Бойцы, ловко лавируя на лыжах, стали взбираться на склон среднего размера, подгоняемые ветром. Слева высился чёрный лес, будто тоже обеспокоенный человеческой войной. Справа и спереди раскинулась бесконечная русская равнина, так много раз описанная нашими классиками в многочисленных произведениях. Вдалеке затаился вероломный

враг, пока ещё невидимый, замысляющий свои мерзкие планы. Брошенное оружие, гильзы, куски техники, воронки от взрывов и окоченевшие трупы вокруг давно никого не удивляли. Главным условием выживания сейчас было не наткнуться на неразорвавшуюся бомбу. Снег темнел, словно зола.

Перед Ильинкой расположилась ещё одна разрушенная деревня – Коловка. Данный пункт уже считался вражеским, и вылазки туда попали под запрет. Коловка находилась в двух километрах от Ильинки и отделялась от неё полями и небольшой речушкой, протекавшей наперерез вторгающимся войскам перед неплотным перелеском. Через реку был выстроен надёжный мост-дорога, по которому свободно могли ездить машины. Взорвать или повредить его не успели. Кроме того, на тот момент водоём упирался через двести метров в небольшую бетонную плотину, по которой также имелась возможность перебраться на другую сторону и ударить по оборонявшимся.

Западнее и восточнее безымянной речушки советская защита оказалась настолько плотной, что ни один талантливый генерал Третьего рейха не отважился бы её прорвать. Именно поэтому наше командование сделало упор на то, что Вермахт будет пробиваться от Коловки в Ильинку через эту зону. Иного варианта у Германии попросту не существовало. Беда заключалась в том, что все ресурсы отводились на укрепление указанных выше направлений, и майор Гагин со своими заместителями и прочими подчинёнными оставался тут сам по себе, даже без намёка на подмогу.

Ситуация с вооружением оказалась плачевной, техника же почти отсутствовала. Большим талантом было бы распределить скромные силы против превосходящего во всех отношениях неприятеля. Слава богу, Михаил Вячеславович не оказался обделён даром. Спрятав плечи под белым плащом и укрывшись рядом с уцелевшим зданием, Гагин встал на верх потрёпанной танкетки и уставился в бинокль на позиции. Он происходил из той породы военачальников, кто предпочитал видеть поле боя лично и отдавать приказы непосредственно, нежели ковыряться обгрызенным карандашом на карте в утеплённой землянке.

Тем временем младший сержант Акинфеев вместе с товарищами незамедлительно приближался к точке назначения. Его взвод обогнул заледеневший водоём с перелеском слева, и стало плохо видно, что происходило рядом с мостом. Определённо можно было сказать, что там шли приготовления к бою. Но какой являлась степень готовности своих?

Лыжники достигли двух окопных линий, разделённых просёлочной дорогой, что вела к основной трассе через описанный ранее участок. К счастью, траншеи вырыли ещё в начале сентября, до заморозков: не пришлось копать окаменевшую землю. Однако укрепить их не смогли: ни дзотов, ни тем более дотов здесь не находилось. Они представляли собой простые углубления в человеческий рост, укреплённые изнутри деревом, в которых можно было неплохо держаться против пехотных атак.

Каждая сторона также получила по «сорокапятке» с прислугой. Наличие артиллерии вселяло хоть какую-то надежду. Лейтенант Сельницын начал рассаживать воителей по окопам, каждого на своё место. Равномерно распределил автоматчиков и бронебойщиков, беспокойно поглядывая вдаль. Андрей оказался вместе с командиром, в правой части западной линии. Приказ этой группе бойцов пришёл следующий: задержать немцев на максимально возможное время, чтобы старший лейтенант Варфоломеев за перелеском успел должным образом закрепиться. Некоторые осознавали, что оказались пущены на самоубийственное задание: раз строилась вторая линия обороны, значит, первая должна была пойти в расход, чтобы дать шанс второй. Вновь требовалось стянуть захватчиков на себя ценой собственной жизни.

– Некуда нам уходить, некуда, – руководствуя, рассуждал Сельницын. – Сзади нас никого нету. Открытый пустой тыл. Гуляй – не хочу. Выберутся фашисты на шоссе, и всё, пиши пропало. Упрусь своими костями здесь, но немцам на большую дорогу выехать не дам,

не дождутся они тут, в Подмоскowie, европейского комфорта. Будем отвлекать их на себя и отвлекать до последнего солдата и командира, пока Варфоломеев там свои гостинцы готовит. С первого раза никто у меня не пробьётся, и со второго, кстати, тоже. Видите те булыжники, товарищ младший сержант? За ними было бы хорошо поставить противотанковые мины, однако мин сегодня нашему взводу не положено. У меня нет никакого желания подпускать «четвёрки» к сорокапятимиллиметровым, вот только выбора нам никто не оставляет. Чувствую, артиллеристам очень придётся сегодня постараться, чтобы сберечь себя.

– А нам, пехотинцам, простой воинской удачи и меткости. – Акинфеев поглядел на свою противотанковую гранату. Он был готов пустить её в ход по одному из ненавистных «Панцеров», когда тот окажется на минимально допустимом расстоянии.

– Любят немцы тянуть время, заразы. – Лейтенант смотрел на развалины Коловки сквозь личный бинокль, стараясь разыскать там каски-котелки или очертания вражеской техники. – Не ястребы, а стервятники, чтоб их.

– Скоро объявятся, не переживайте. Каждый день промедления отнимает у них огромное количество сил. Пусть помёрзнут в лесочке.

– Товарищ лейтенант! – крикнули с западной пушки. – Прут, сволочи!

– А-а, явились-таки, мерзавцы. – Сельницын продолжал наблюдение. – Даже без артподготовки. Видимо, от морозца у них там миномёты с гаубицами по полной заклинило.

Поначалу непросто было кого-либо разглядеть. Всё оставалось по-прежнему тихо и спокойно. Затем возникло какое-то подрагивающее движение: среди остатков поселения замелькали фигуры в белой форме. Они приближались слаженно, продуманно. Слева и справа от Коловки, почти заезжая в уснувшую чащу, покатались, разбрасывая светлосерую пудру, два броневика: один Sd. Kfz.231, второй – Sd. Kfz.222. Они ехали нагло и развязно, словно уверенные в своей неуязвимости.

– Ближко подпускать их не можем! – пробасил сержант с восточных траншей. – Они наверняка уже различили «сорокапятки».

Словно в подтверждение его словам по окопам неприцельно начали стрелять. Пули посвистывали с равными интервалами, пока ещё не слишком интенсивно. Воители, находившиеся ниже уровня земли, вжалась в укрытия, артиллеристы спрятались за маленькими щитками. Стали отвечать в ответ, но убить кого-либо на такой дистанции с пары выстрелов было очень тяжело.

– Бронебойщики, прицел на машину на десять часов! Оба орудия, по броневика на два часа – огонь! – рявкнул командир, решив сначала избавиться от более слабого соперника.

– Есть! – одновременно ответили с «сорокапятков».

Пушки ухнули. Вражеская техника немного запоздало запалила по советским позициям. Тем временем первый снаряд угодил «двести двадцать второму» в капот, но срикошетил и улетел в сторону. Однако второй попал между колесом и подвеской. Ненатурально подпрыгнув, боевая машина остановилась в сорока метрах от русских защитников, её экипаж решил поворачивать башню для более точного прицеливания орудия.

– Восточная, добивай пар-ршивца! Западная, огонь на десять часов! – загорелся румянцем Сельницын. – ДПшки, стрелки, поливайте гадов свинцом, не дайте им к нам подобраться!»

Теперь грохотало и трещало с обеих сторон не по-детски. Гитлеровцы продвигались, скрываясь за валунами, железными остовами и немногочисленными крепкими деревьями. Андрей, обнаружив германского пулемётчика под поваленным стволом, нажал на спусковой крючок. Приклад СВТ ударил в плечо, оккупант дёрнулся и пропал. Стало непонятно, погиб ли он, был ли утащен своими как раненый или просто выбрал новое место, заметив, что кто-то его взял на мушку.

Sd. Kfz.222, не успев должным образом атаковать, получил попадание прямо в окошко водителя, в котором из-за этого образовалась пробоина. Оттуда повалил дым, из броневомобиля перестали подавать признаки жизни. Товарищ Акинфеева пал, сражённый прямо в лоб. Его сразу же заменил другой солдат. Остаток очереди пролетел над головами лейтенанта и младшего сержанта, как взбесившееся точильное устройство, не задев их. ПППШ Сельницына экономно строчил. На броне «двести тридцать первого» стали появляться синие вспышки от ПТРД и ПТРС. Одно из противотанковых орудий попало броневомобилю в бок. Покошенные советскими пулемётами, попадало несколько немцев. Андрей нацелился на очередного врага и произвёл выстрел. Спешно бежавший автоматчик будто спотыкнулся и рухнул лицом в землю.

Sd. Kfz.231 оставался в строю, однако резко дал задний ход, атакую из почему-то неповорачивающейся башни. Ряды гитлеровцев дрогнули, первая волна потеряла свыше половины личного состава, в то время как на рубеже РККА погибло только семь человек. Изначально силы нападавших были примерно равны: взвод на взвод, не считая техники. Теперь на поле сражения лежало больше двадцати пяти германцев, уцелевшая вражеская техника, скорее всего, поломанная и с отказавшими приборами, пятилась обратно в деревню. Упершись в древний каменный забор, «двести тридцать первый» обиженно забуксовал и, получив ещё одну вспышку от противотанкового ружья, заткнулся. Раскрылись его люки, и изнутри полезли члены экипажа, чёрная форма которых неопытному человеку напоминала эсэсовцев. Не имея серьёзного оружия (только у командира машины имелся пистолет-пулемёт), четвёрка затаилась за подбитым агрегатом.

Оккупанты, словно махнув рукой на приказ о наступлении, решились отступить и посеменили обратно в Коловку. Вскоре их стало нелегко различать, звуки боя плавно утихли, воцарилась долгожданная тишина. Этот приступ был выдержан с достоинством.

– Труссы, бегите, бегите, ахахаха! – раздавалось из траншей.

– Вы только с бабами и детьми воевать умеете, сволочи!

– С пулемётами к нам припёрлись, от пулемётов и погибнете!

– Не возьмёте Москву, нелюди! Сидели бы в своём Берлине!

– К нам пришли, у нас и полегли, козлы!

– Сказано было русским языком, что не пройдут они с первого раза, значит, не пройдут, – довольно кивнул Сельницын, резво проверяя подчинённых и пункты обороны. – Машины мы им повыбивали, это самое главное. Очень похоже на разведку боем. Мы должны крепиться, товарищи солдаты. Они выяснили, что у нас «сорокапятки», следовательно, жди «трёшек», а то и «четвёрок». Будьте готовы пустить в ход противотанковые.

– На нашей линии погибли трое, – докладывал Акинфеев. – Красноармейцы Золотаревский и Баринев, сержант Мальцев. У Владимиров, Ротмистрова – царапины, ничего страшного. Кузьменко ранен в руку, но сражаться может. Трубкин оглох на одно ухо, но в нормальном состоянии, соображает.

– Отлично! Протянем.

– Убиты ефрейтор Пасечкин и младший сержант Железняк, – доложили с восточной стороны. Незначительные ранения у Панкина и Курганова. У Кожемякина попадание в голову, перевязан, говорит, что в состоянии сражаться. Волков, кажется, немного контужен, но адекватен.

– Хорошо, товарищи! Продолжайте и дальше беречь себя. Готовьтесь к бою!

«Скорее бы Варфоломеев закончил со своей второй линией, – пессимистично подумал лейтенант. – Ибо мы здесь не железные».

С немецкой стороны злобно задул ледяной ветер. Казалось, что эти жестокие потоки воздуха напускают специальные аппараты врага, созданные, чтобы деморализовать Красную армию. В самой дальней стороне леса, на захваченном севере, появились едва заметные

широкие точки. В тридцати метрах от линии обороны разорвался одиночный снаряд: немцы прицеливались. Среди пределов разорённого поселения вновь объявилась неприятельская техника. На этот раз она не отваживалась выезжать за пределы деревни, а держалась внутри неё, дабы быть более защищённой. Необходимо было ждать, пока незванный гость не пересечёт Коловку и не объявится на видном месте.

Германцы не засели особенно надолго, их новая атака оказалась стремительной. Около западного орудия взорвалось, но по артиллеристам не попало. Грохнуло также по восточным траншеям. Разразилось опять ручное оружие. Гитлеровцы стреляли из поселения, оттуда же била техника противника. По пепелищу храбро отвечали советские воины. Через пару минут по основной дороге, разрезавшей и Коловку, и линию обороны пополам, на средней скорости поехал «третий» «Панцер». За ним семенила штурмовая группа, пользуясь стальной колесницей как щитом.

Не дожидаясь приказа командующего, солдаты у пушек зарядили по танку. Пробить ничего не удалось. Вскоре объявилась ещё одна проблема: другой «Панцер» той же модели снёс нерухнувший фасад на юго-востоке деревни и включился в наступление, не давая покоя правым окопам. Сельницын приказал пушкам разделить сектора контроля, то есть каждой занять по тяжёлой машине. Пальнул дальний танк. Акинфеев видел, будто в замедленном кино, как на щитке «сорокапятки» образовалось что-то горячее, затем от него отлетели дуло и прочие детали, сдетонировала коробка с боекомплектом. Тела прислуги, покрытые гарью, разлетелись вокруг места попадания.

– Не прострелить ни хрена, всё отлетает, точно они маслом обмазаны, – рычал младший лейтенант, пытаясь быстро найти нужное решение в разразившейся суматохе. – Западная, убирайтесь от орудия и уходите в окопы. Погибнете по чьей зря!

– Одну секунду, одну секунду... – отозвались с оставшегося орудия. Оно бахнуло и едва заметно откатилось в последний раз. Переднему «Панцеру» сорвало трак, он неуклюже повернулся боком к оборонявшимся, однако экипаж его не покинул: машине удалось сохранить боеспособность. Артиллеристы смогли уйти к своим за пять секунд до того, как на их «рабочем месте» лопнул снаряд. Кажется, «сорокапятка» теперь была серьёзно повреждена.

Бронебойщики сосредоточили своё внимание на подбитом танке, надеясь извести сидящих внутри захватчиков. Тут и там на его броне появлялись и пропадали синие огоньки.

– Разрешите, я его гранатой? – спросил Андрей, убив нерасторопного немца, решившего сменить укрытие. – Подползу, и всё. Конец котёночку.

– Не разрешаю. – Командир сорвал чеку с противопехотной и кинул её на значительное расстояние, чтобы заставить оккупантов сорваться с места, встать в полный рост и быть открытыми для точного попадания. – Все подходы к нему прекрасно простреливаются. Они ждут, что мы пойдём его добивать, и сами готовятся нас пострелять. Терпение!

К несчастью, целый «Панцер» вдруг мастерски поразил часть западной линии обороны. Попадали русские воины, которые не поглотились ужасным огнём. Один солдат лежал с оторванными конечностями, будто вскрытая консервная банка, второй просто прислонился к древесному укреплению, словно просто присел отдохнуть, третьего выкинуло в сугроб, и его скрюченные руки в застывшей судороге страшно торчали из-под снега. Уничтожены были два противотанковых ружья вместе с бронебойщиками. Запахло горелым мясом, углями, повсюду образовались небольшие костерки. Поднимавшийся дым слезил глаза, от него хотелось кашлять.

К раненым на помощь мигом побежал врач, но на месте же пал мертвый, сражённый в шею. Акинфеев глянул в щёлочку и заметил, что дополнительная группа германцев выдвинулась к траншеям вслед за танком. Те, что расположились рядом с подбитым, почувствовали силу и рванули на западную часть. До полного соприкосновения оставалось метров тридцать. Андрей, преодолевая терзавший душу страх, выполз в просторную земляную

лунку, где раскинул руки погибший пулемётчик. Вжав приклад в плечо, младший сержант атаковал приближающихся врагов. Попадало пять человек, оставшиеся вернулись за броню. Вероятно, этот поступок придавал уверенности бойцам на восточной стороне, и те усилили плотность стрельбы.

По повреждённому «Панцеру» вновь угодили из ПТРС. Он замолчал, и изнутри его, как черви из гнилого яблока, полезли танкисты. Начавшая движение «трёшка» встала на окраине Коловки и пыталась бить русских воителей оттуда. Это давало некоторые дополнительные шансы, так как тяжёлая техника не падала вплотную.

На севере деревни нарисовалась очередная чёрная точка. Похоже, это была уже не «трёшка», а «четвёрка». Ситуация оставалась безнадёжной.

Обмен выстрелами продолжался полчаса. Пока Рейх не осмеливался брать высоту. Один русский воитель погибал за другим под непрекращающимися обстрелами тяжёлой техники. Младший лейтенант отчаялся и уже не надеялся ни на какую победу. Он продолжал командовать, но приказы его тонули в свисте и громахании. Левые окопы практически вымерли, в них находились только Акинфеев, Сельницын и тяжело увеченные, которые доживали свои последние минуты. Андрей начал израсходовать последний магазин для ДП, готовясь опять переключиться на винтовку. Правая линия держалась, несмотря на упорные попытки «Панцера» стереть очаги сопротивления в порошок. ПТРД и ПТРС раскаляли вражескую сталь, понижая её защитные свойства.

– Сделали всё, что смогли, – подавленно произнёс командир. Посмотрел на личные часы: – Тормознули мы их на полтора часа, и то замечательно. План почти выполнен.

– Не расстраивайтесь, товарищ младший лейтенант, – приободрил лидера младший сержант. – Мы сделали всё, что смогли без «стодвадцатидвухмиллиметровых», танков и «катуш». Умирать, не оплошав, приятнее.

– Давай перебираться к своим, Андрюха. На нашем месте всё уже кончено.

Ползком пара переползла на восточные позиции, прячась за дорожными выбоинами и кочками. О самую высокую точку холма бились шальные пули.

В конце концов немцы пожелали покончить с русскими воинами разом. «Трёхка» подъехала почти вплотную к траншеям, не давая нашим высунуться при помощи кормового пулемёта. Захватчики, предварительно кинув гранаты, волной обрушились в окопы. Стало невозможно вытягивать длинные винтовки, автоматы глохли, зажимаемые человеческой плотью, и завязалась жестокая рукопашная.

Враги повалили на землю знакомого нам сержанта и забили его прикладами, как скотину на бойне. На Андрея прыгнул крепкий гитлеровец, готовясь проткнуть первого штык-ножом. Акинфееву удалось увернуться, но сильный ариец, будто спортсмен единоборств, ударил солдата РККА ногой в локоть. СВТ упала вбок. Не дожидаясь новых выпадов от своего соперника, младший сержант выхватил сапёрную лопатку у убитого товарища и с криком рванул на супостата. Тот попытался, выставив оружие параллельно ногам в качестве блока. Андрей размахивал лопаткой, будто озверевший самурай – катаной, и спустя пару секунд с наскока разрезал гитлеровцу лицо от виска до подбородка.

В шести метрах от Акинфеева разъяренный фельдфебель наносил удары каской обезоруженному Сельницыну, который пытался защитить голову и рёбра запачканными руками. Выдохнув, младший сержант утёр разбитую губу кулаком и метнул своё короткое оружие. Заточенный предмет, войдя в спину, проткнул недругу позвоночник. Он, рефлекторно вздёрнув плечами, плавно повалился на колени. Младший лейтенант, досадливо гаркнув и шмыгнув разбитым носом, схватился за лежавший рядом ППШ, а Андрей подобрал уроненного «Токарева». Прицелившись и вскинув винтовку, застрелил танкиста, вылезшего из люка к башенному пулемёту. Советский командир, укрываясь за коробкой, дал очередь по группе

врагов, стоявших на краю траншеи. Русские постепенно стали брать вверх, готовясь выгнать германцев наружу, несмотря на численное превосходство последних.

Вдруг «Панцер» пальнул прямо по гуще сражения, накрыв и чужих, и своих. Единственный, кого не оглушило, был Акинфеев. Его лишь покрыло гарью. Рыло перезаряжающего снаряд танка уставилось нестигаемому пехотинцу прямо в лицо.

«Пора тебе на свалку, тварь!» – младший сержант достал противотанковую гранату на длинной палке и кинул её, целясь в моторное место. На вражеской броне грохнуло, затем из повреждённой зоны повалил чёрный дым. Экипаж не появлялся.

Установилось новое затишье. На поле брани валялись трупы бойцов России и Германии. Эта линия обороны оказалась сильно разворочена, а в некоторых местах – полностью разрушена. Начали заледеневать остовы уничтоженной техники. Кое-где горел огонь. Едва заметно шёл снег. Воронки зияли бесконечной мглой. Андрея пробрала дрожь. Он облокотился на вертикальную поверхность и, съехав вниз, уселся на холодную почву. Кажется, все сослуживцы были мертвы.

Внезапно, недавно поверженный Сельницын снова зашевелился. Не медля ни минуты, Акинфеев рванул к выжившему командиру. Его пистолет-пулемёт сломался пополам, каска треснула, униформа во многих местах порвалась, голова и лицо заляпались густой кровью, которая уже успела застыть. Весь в саже, младший лейтенант отрешённо поглядел на единственного подчинённого, как пьяный. Глаза героя были словно две белые ягоды на сырой чёрной земле.

– Продержались, Андрюха, продержались... – просипел Сельницын, явно находясь в состоянии контузии. Его речь была сбивчива, мимика неестественна. Сейчас он нуждался в немедленной медицинской помощи.

– Я должен дотащить вас до госпиталя, – бодро заявил младший сержант, взваливая раненого лидера на свои неслабые плечи. Перед этим удалось худо-бедно перевязать тому голову. – Мы тут больше не протянем.

– А толку-то уходить? – процедил поражённый. – Мы все уже давным-давно умерли. Всё это вокруг нас – иллюзия, чёртов театр. Мы сами прокляли наш прекрасный мир, а теперь пожинаем плоды. Сучье племя, выродки от рождения.

– Вам нельзя говорить, товарищ младший лейтенант. Вы не в способном состоянии, и теперь я последний старший по званию. Я решаю спасти вас. Постарайтесь не о чём не думать.

– Да это уже бесполезно. Когда тебя размазали по полу, как щенка, ни о чём не хочется думать. Впрочем, мы им тоже показали, где раки зимуют.

Советский боец воровато выглянул из-за окопа. «Четвёрка» катилась на юг Коловки, окружённая со всех сторон четырьмя взводами пехотинцев. За ней, точно покорные псы, двигались «двушка», «трёшка», одна САУ и два бронетранспортёра. Возвышение оказалось потеряно, за него некому было воевать. Печально известного приказа №227 в то время ещё не существовало, и воитель мог преспокойно отспупать.

«Пора валить», – в разуме промелькнула единственная мысль.

Неуверенно перекрестившись, солдат вылез из углубления, держа командира на плечах. Он надеялся добраться до второй линии обороны, если, конечно, Варфоломеев успел её приготовить. Андрей рванул с нелёгкой ношей, что было силы. В спину мигом полетели пули, однако ни одна из них не попала в цель.

За высившемся впереди перелеском пока ещё ничего не было видно. Младший сержант вбежал в него, чуть не упав в глубокий овраг. Сельницын измученно застонал. Протрещал в ветвях рикошет. Горячее дыхание проплыло по щекам, на коже выступал пот. Сплюнув, воитель наконец выбежал прочь из скопления деревьев.

Товарищи на первой линии погибли не зря. Новая оборонная система была укреплена гораздо лучше, чем её предшественница. За перелеском расположилось несколько противотанковых ежей. Недалеко за окопами имелось два «дзота» с пулемётами Максима. Имелось гораздо больше бронебойщиков, которые разместились в отдельных, собственных углублениях, специально замаскированных от взоров вражеских танкистов. Огороженные мешками с песком, стояли на недостижимом для бронетехники расстоянии высокие двадцатидвухмиллиметровые орудия, по сравнению с «сорокапятками» имеющие более эффективную возможность подбивать тяжёлые машины.

Наших людей теперь имелось в разы больше – три взвода. Советские каски мелькали в окопах, как грибы после дождя. Создавалось ощущение, что данные позиции создавались для противодействия цунами. Они были, как непроходимая стена перед речкой, и разделялись лишь транспортной артерией.

– Стой, боец! – Акинфеева окликнули с вала. – Там всё минировано. Остановись, коли хочешь жить!

Пехотинец ошарашенно тормознул, встав как вкопанный.

«Не хватало от своих погибнуть», – запоздало пронеслось в голове.

Только в тот момент он разглядел почти неразличимые зарубки на лесных стволах, которые обозначали границы участка, наполненного невидимой взрывчаткой. Осторожно защитник России сделал два шага назад. Нужно было спешить, так как враг мог появиться в любой миг. Сельницын бредил, его бросало из крайности в крайность: он то пророчествовал скорое поражение, то уверял, что супостаты вот-вот будут разгромлены.

– Мы не успели заминировать восточный берег речки и дорогу, – за щитком «Максима» возникла голова старшего лейтенанта Варфоломеева. – Беги боком и пройди через мост. Так будет безопаснее всего.

Андрей кивнул и последовал указаниям нового командира. Слава богу, никто не считал его и младшего лейтенанта предателями и дезертирами, трусливо бегущих, дабы просто спасти свою жизнь. Сработало простое людское понимание: выживших товарищей необходимо было принять и дать им повторный шанс отомстить за павших, а не расстреливать за то, что они хотели жить.

– Вот цена, которую запросил штаб. – Гагин смотрел в бинокль на единственно уцелевших подчинённых с первой линии. – Утопили немцев в собственной крови, зато задержали. По-иному у нас вопросы не решаются.

– Вы не виноваты, товарищ майор, – сочувственно откликнулся адъютант, стоявший внизу. – Кто, простите, пожалуйста, интересовался вашим мнением? Всё решается единогласно.

– «Россия огромная, бабы ещё нарожают», – передразнил кого-то командир себе под нос. Громче добавил: – Возьмите мой ГАЗ и заберите Сельницына, там ему особой помощи не окажут, требуется везти его в тыл. Скажите Варфоломееву, чтоб артиллеристы первым делом выбивали «четвёрки» и «трёшки», остальной мелочью пускай занимаются бронебойщики. Этих пушек мы не имеем прав лишиться.

Далее, пускай бойцы делают акцент на восточном секторе и мосте-дороге, которые мы не успели обложить минами. Фрицы, которые попрут через западный сектор, угодят в разрывное пекло и запутаются в собственных кишках, спешно отступая обратно. К сожалению, в эти минуты нам неизвестна толщина льда, что лежит на речушке. Вероятно, гитлеровцы попытаются пересечь водоём по замёрзшей воде, это бойцам также следует учитывать.

И последнее, пусть Варфоломеев направит человек десять – пятнадцать на дамбу, уж больно сильно она меня беспокоит. В том месте никого не заметили, однако рисковать не станем: если противник ворвётся через дамбу на нашу сторону, мы не сможем отразить столь внезапную атаку. Восточные траншеи, захваченные врасплох, захлебнутся в огне и не смогут адекватно распределить свой одновременно на север и северо-восток.

– Есть! – адъютант завёл внедорожник и укатил к месту решающего боя на полной скорости.

Командир спрыгнул на твёрдую корку и постучал по наспех перекрашенной в белый цвет броне.

– Танкетка!

– Слушаемся, товарищ майор! – ответил изнутри один из членов экипажа.

– Вы здесь единственная советская бронетехника, больше никого нет. Поезжайте вперёд, встаньте за тем подбитым танком и упавшим дубом. Как только поймёте, что с большинством тяжёлых машин покончено, но на нашу пехоту наседадут с какой-либо стороны, смело поезжайте к месту прорыва и кромсайте гадов из бортового орудия. Будьте готовы вести на своём верху раненых. Если увидите сильный огонь около дамбы, немедленно двигайтесь туда и помогайте соратникам. Вопросы?

Акинфеева определили в правый укрепрайон в той же роли, что он и находился – стрелком СВТ-40. Старшина Вислоухов с группой из двенадцати солдат был снят с левого берега и направлен охранять подход к дамбе, чтобы её не пересекла ни одна живая душа. Обессиленного младшего лейтенанта увезли на подоспевшем автомобиле. Как только он скрылся, танковый снаряд со всей энергии ударился недалеко от западных траншей. Впереди массово зашуршало. В перелеске начали падать стволы деревьев, заревели чужие моторы. Германцы пока не до конца замечали, что их ожидает.

– Подпустим поближе! – махнул Варфоломеев, успев всем передать приказы Гагина и обеспечить их исполнение. – Как только сработают мины и растяжки – подавляющий огонь по своим секторам!

Наконец, вырвав с корнем маленькую берёзку, на берег вальяжно вылез уже известный нам Pz. IV. После этого грохнуло так, как будто кто-то подорвал сразу десять противотанковых гранат. «Четвёрку» словно разрывал дьявол изнутри, башню с длинным стволом подняло раскалённой волной вверх и унесло назад. Начала задействоваться остальная взрывчатка. Полминуты лес полыхал, точно наполненный тоннами фейерверков. Взлетали и разрывались тела, немцы в спешке дали заднюю. После минутной тишины неуничтоженные солдаты и офицеры Рейха, отползая от опасной территории, стали палить по окопам. Им вторил русский свинцовый смерч.

В гуще баталии Андрей увидел, как САУ Вермахта прокатилась параллельно плотине и въехала на восточный бережок под прикрытием большой группы пехотинцев, которые старались подавлять точки с бронебойщиками Красной армии. Наша пушка, находясь на неудобной позиции, не смогла попасть по бронетехнике. И опять помогла родная природа.

Экипаж САУ, покинув низкий берег, двинул свою машину по льду, сильно рискуя. Застывшая вода оказалась не настолько крепкой, как рассчитывали захватчики. Когда «Панцер» заехал на середину речки, лёд неожиданно покрылся трещинами, мгновенно образовалась чернильная дыра, словно пасть проснувшегося чудовища, и артиллерийская установка камнем пошла на дно, обрекая находившихся в ней прислугу на жуткую смерть в узких недрах. Водоём оказался нешироким, но глубоким: волны в последний раз лизнули пушку САУ перед тем, как она полностью скрылась из виду.

Тем временем хитрые оккупанты при поддержке бронетранспортёра попытались пробиться по дамбе в менее защищённые участки советской обороны, как и предсказывал Гагин. Вислоухов и его воины, пропустив захватчиков на сдерживающее воду сооружение, заки-

дали их гранатами. Немцам прорваться не удалось. Казалось, дело сделано, но наших ребят стал поливать пулемётным огнём БТР, зажав их в крохотной роще и отрезав пути к отступлению. Потеряв четырёх сослуживцев, старшина, было, решился на массовый набег с противотанковыми на незатыкающийся МГ 34 на колёсах.

«Хоть кто-то, да заставит его замолчать», – думал в те секунды глава команды.

Вдруг нечто подъехало сзади. Испугавшиеся солдаты, с выпученными глазами, оглянулись назад. Многим почудилось, что недругу всё-таки удалось обойти их с тыла. Однако это был не противник. Подоспевшая вовремя танкетка собственной стрельбой снесла раззадорившегося германского пулемётчика из-за бронированного щитка и отогнала других немцев от дамбы. Больше они не пытались завладеть данным участком.

– Ангел-хранитель в этой танкетке сидит, ей-богу, – пробурчал Вислоухов, лежа за булыжником и умывая лицо белым снегом. Он посмотрел на северо-запад. И атакующим, и обороняющимся там приходилось очень несладко.

Следом за нерадивой САУ на горизонт выползла «трёшка». Осознав ошибку своих товарищей, танк скатился с холма и, не подъезжая к берегу, начал перемещаться по безопасной дороге, намереваясь вломиться прямо в середину оборонительной площадки. Ухнуло один раз, затем – второй. Подбитый «Панцер» встал памятником на заснеженном пути: артиллеристы не подпустили его ни на метр к соратникам.

«Двушка» вместе с последним бронетранспортёром опасно давали очереди по западным окопам, боясь стать лёгкой мишенью для русских воителей. Её пытались достать наши бронебойщики, но ПТРД и ПТРС не хватало дальности. В конце концов одна из двадцатидвухмиллиметровых гаубиц точно пробила корпус лёгкого танка, скорее всего, заодно разобравшись и с экипажем. Её снаряд беспрепятственно пролетел между древесными стволами, будто заколдованный.

Немецкое наступление захлебнулась. Им не удалось захватить ни мост-дорогу, ни дамбу. Как уже выяснилось, речку было перейти невозможно. Русская артиллерия уничтожала появляющуюся на холме тяжёлую технику, пулемётчики нещадно косили пехоту, не давая ей подобраться на какую-либо приемлемую дистанцию к оборонному валу. Гитлеровцы рассеялись на более маленькие группы, продолжив сопротивляться, но не надеясь развивать атаку по новому кругу.

Гагин внимательно наблюдал за гущей сражения. Он был очень рад, что подчинённые достойно выдержали опасный таранный удар с наскоком. Однако майор чувствовал, что не будет удовлетворён, пока абсолютное большинство неприятельского войска не будет повержено. На западном берегу вновь бабахнула мина, подняв вверх снежные комья. Оккупанты начали постепенно отступать за холм и перелесок. Возвратился адъютант на внедорожнике.

– Товарищ майор! – окликнул лидера военный, не покидая транспорт. – Штаб приказывает контратаковать и выбить фашистов из Коловки.

– Что-о?! – опешил Михаил Вячеславович, не веря своим ушам. – У них там все дома? Мы тут в глубокой обороне, они предлагают мне поднимать людей из окопов, чтоб они сразу стали лёгкими мишенями? Зачем готовились, зачем загубили первую линию? Отлично, мы контратакуем, но опять штыками? Из машин у нас только танкетка да мой ГАЗ. Установлю на ГАЗ «Шпагина» и поедем побеждать, пёс побери!

– Товарищ майор, вы не совсем правы, мы сейчас получили некоторую поддержку, а пехота со второй линии будет эти силы сопровождать и прикрывать. Оглянитесь на юг!

Военачальник скептически повернул голову. К побоищу уверенно направлялись отечественные танки: один Т-40 и два Т-60. Тем не менее с такой лёгкой бронетехникой штурмовать Коловку, где Вермахт уже наверняка приготовил собственную оборону, было бы глупо. Данные «тэшки» подходили только для того, чтобы разбираться с пехотой, автомобилями,

БТРами и различными огневыми точками. Они, возможно, могли бы подбить «трёшку» из засады совместной атакой, но против больших танковых и артиллерийских скоплений являлись бессильны. Кроме того, из захваченной деревни германцы просматривали местность на несколько километров вперёд, и быстро бы заметили уязвимую технику Красной армии.

К счастью, «тэшки» приехали не одни. Утопая, перемещал гусеницами огромный мастодонт КВ-2. В отличие от младшего брата КВ-1, который в первые месяцы войны зарекомендовал себя как эффективная машина, почти неуязвимой для орудий врага, КВ-2 особой популярностью у наших военных не пользовался. Разрабатывался он для Зимней войны, и изначально его ролью было уничтожение хорошо укрепленных ДОТов и прочих защитных сооружений при наступлении, а не участие в ликвидации неприятельских сил непосредственно на поле брани.

С июня 1941 года РККА отступала на восток, и КВ-2 начал использоваться не по назначению. Боеприпасов требуемого характера для него часто не находилось. Чтобы открыть огонь, эта техника должна была остановиться, что только увеличивало её поражаемость. Башня разворачивалась крайне медленно. Страшный выстрел стопятидесятидвухмиллиметровой гаубицы сотрясал и экипаж, и внутренности танка. Однако несмотря на все эти недостатки, КВ-2 оставался грозной крепостью, чей только один силуэт мог навести ужас на супостата. От его фатального попадания немецкие танки разваливались по швам, как карточные домики, так как сплавленный металл не выдерживал такой колоссальной энергии. Пробить броню и данной версии «Клима Ворошилова» оказалось труднейшей задачей, с которой германская полевая артиллерия того периода не справлялась.

Громадный параллелепипед с коротким горизонтальным цилиндром впереди – башня КВ-2 – стал разворачиваться на запад, туда, где находилось больше всего противников. Ожидание выстрела сей машины было мучительным.

Командующий приложил трубку радиации к уху.

– Это Гагин, меня слышите? Отлично. Поднимайте людей из окопов и берите Коловку напрямик, через леса не подойти, да и времени нет к тому же. Нам прислали танки, шансы есть большие. Будьте осторожны, подозреваю, что в Коловке есть ещё три – четыре танка, а также группа противотанковых орудий. Сейчас свяжусь с танкистами. Гагин – отбой.

Майор Гагин. Т-40 и Т-60 двигаются вперёд при поддержке пехоты. КВ-2, не суйтесь в пекло, держитесь поодаль. Те, кто налегке, будут производить разведку боем и указывать вам опасные и большие скопления гитлеровцев. Избавляйтесь от них с большого расстояния. Вас мы потерять не можем, иначе лишимся абсолютного преимущества. С дамбы к вам присоединится танкетка, уже она будет прикрывать идущих вперёд. Так точно, Гагин – отбой.

Это снова Гагин. Товарищ старший лейтенант, ещё расчистите для меня район вокруг дамбы, чтоб там ни одного гада иностранного не осталось. И выделите бойцов семь в охранение. Что? Нет, не мало, остальные пускай идут на штурм. Не волнуйтесь, не достанут. Гагин – отбой.

Мимо командира пронеслись два грузовика «ЗИС», наполненные под завязку русскими бойцами. Михаил Вячеславович заново схватился за аппарат связи.

В это время вторая линия собиралась в контратаку. Варфоломеев дал сигнал, и воины начали покидать насиженные места. Акинфеев угодил в первый ряд нападавших. Техника аккуратно газовала через мост-дорогу на противоположную сторону реки, минуя непрочный лёд и западный берег, где всё ещё могли находиться неразорвавшиеся мины и растяжки. Было видно движение на дамбе: сооружение пересекала часть солдат с танкеткой. Недруги полностью покинули перелесок и холм, последних интервентов видели на подходе к первой оборонной черте.

Танкисты резвого Т-40 проверили обстановку и выяснили, что нацисты укрепиться в старых траншеях не успели: там никого не находилось, кроме мёртвых тел предыдущих защитников. Можно было выдвигаться дальше, к Коловке.

Майор переместился на дамбу и продолжил осмотр. Он изучал крайнюю точку видимости, что находилась на самом севере разрушенного населённого пункта. Меткий взор был готов уловить самую отлично подготовленную ловушку. Немцы до сих пор не показались, и Гагину это определённо не нравилось. Воители разделились на две стороны от дороги и уже пересекали поля, располагавшиеся между первой линией и ближайшим деревенским забором. Младший сержант со своими сослуживцами немного поспешил и решил залечь в глубокой канаве, чтобы не пасть жертвой случайной пули. Т-60 заехал за каменную ограду.

В этот момент взор Михаила Вячеславовича уловил ненатурально переломленные ветви, следы и какую-то полупрозрачную клеёнку, больше похожую на маскировку.

Клеёнка облепливала морду пушки ПАК-40.

– «Тэшки», не подъезжайте даже к середине Коловки... – Командир проговорил в аппарат связи. В следующую секунду неприятельская артиллерия гавкнула, как пробудившийся Цербер. Первый снаряд задержал Т-60, машина ещё могла двигаться и, закрутившись, стала поворачиваться боком. Второй кусок ненависти поджёг лёгкий танк, и он встал навеки. После этого со всех сторон русских героев встретил свинцовый дождь вылезших из всех дыр и полумраков немцев.

– Крысы! – гневно крикнул Вислоухов.

Андрей выстрелил по мелькнувшей в двадцати метрах тени и ещё глубже вжался в землю.

Гагин сплюнул, изучая чужую артиллерию. Продолжил:

– Всем группам, на севере дорогу в лес прикрывает батарея ПАК-40, четыре орудия. Всё хорошо просматривают, ждут, пока наши «коробочки» окажутся у них. «Тэшки», не лезьте.

– Я их живьём закопаю, – орал старшина. Из его обвисшего уса лениво капала кровь.

– Товарищ старший лейтенант, – командуя обратился к Варфоломееву. Плавно оттесняйте немцев, но не лезьте на рожон. Там их, как тараканов в помойной яме. Идите, не торопясь, от переулка к переулку. В центр деревни не суйтесь. Да, также к вам направляются «трёшка», «четвёрка», броневедомитель и бронетранспортёр. Будьте готовы применить противотанковые.

Одна из ПАК-40 пальнула по контратакующим, однако значительных повреждений никому не нанесла. Pz. III обгонял наших с запада, желая вклиниться прямым в левый рукав. Остальная лёгкая техника трусливо ошивалась у восточного края, цепляя бойцов Красной армии непрекращающимися очередями.

Pz. IV вкатился на середину деревни. Опасный противник стал поворачивать башню непосредственно в товарищей Акинфеева и Вислоухова. Сменить позицию, не словив пулю, оказалось невозможно. Младший сержант и старшина уставились на танк, словно мыши, загнипнотизированные змеей. Мысленно, в который уже раз, они распрощались с жизнью.

Неожиданно по «Панцеру» будто прошлось гигантское лезвие. Как и с его «брата», уничтоженного в перелеске, ему сорвало башню, но на этот раз во все стороны разлетелись листы брони, точно у тех был вес пушинки. Полопались траки, и искажённый корпус повалило на бок. В борте теперь находилась очень большая дыра. Таковым являлся выстрел из KB-2, монстра советской промышленности. «Клим Ворошилов» беспечно расположился на дороге и перезаряжал свою смертоносную гаубицу, чтобы стереть в порошок новых захватчиков.

Pz. III готов был ворваться в ряды наших солдат и командиров, чтобы смести их и посеять неразбериху. Он всю поливал атакующих из кормового пулемёта. Т-40 и Т-60, скры-

вавшиеся от всевидящей батареи под холмом, встретили «трёшку» интенсивными залпами. Заухав, словно раненный филин, танк захотел убраться обратно в поле и оттуда достать слабо бронированную технику.

«Сука, не дождёшься», – стиснув зубы, младший сержант пополз за каменным забором, как кобра.

От твёрдой породы отскакивало раскалённое железо. Акинфеев очутился в яме, однако поздно обнаружил в ней недруга, дрожавшими руками перезаряжавшего пистолет-пулемёт. Мгновение военные удивлённо смотрели друг на друга, затем немец умело выхватил нож и кинулся на Андрея. Наш боец выставил приклад СВТ в живот супостата, а когда тот отходил от удара, прицелился и убил в шею. Мерзкие гусеницы прошелестели неподалёку. Воитель, выглянув из ямы, оценил обстановку и, не раздумывая, метнул гранату в «трёшку». Бабахнуло. Pz. III врезался в остатки дома и прекратил сопротивляться.

Пушки никого не подпускали ни центр, ни на север Коловки. От них уже погибло несколько русских людей. Получил от меткой ПАК-40 и стоявший на юге KB-2. Броню этот выстрел не пробил, однако его экипаж этот случай явно разозлил. «Клим Ворошилов» снова громыхнул, тяжелейший снаряд отправился вперёд по растянутой дуге. Поначалу наши не поняли, что хотели люди, управляющие данной тяжёлой техникой. Всё стало ясно, когда два орудия взлетели на воздух вместе с деревьями, снегом, землёй и прикрывавшими их гитлеровцами.

Захватчики дрогнули, растерялись. Воспользовавшись замешательством врага, в бой вступила танкетка, орудуя на освободившейся от артиллерийского огня правой стороне. Слева подключились Т-40 и Т-60, используя нерухнувшие фасады зданий как укрытия. KB-2 накрыл значительную группу недругов. Вскоре подчинённые Гагина занимали больше половины Коловки. Вислоухов со своими людьми по заброшенному каналцу пробрался к концу населённого пункта и закидал прислугу ПАК-40 гранатами, а затем обратил против германцев собственное оружие. Зажатые со всех четырёх сторон, они полегли один за другим. Через час Коловка оказалась зачищена, резервы Вермахта в том районе были почти исчерпаны и не пришли на помощь своим.

В результате контрнаступления и общего наступления Красной армии под главным городом страны немецкие войска отступили на 150 – 200 километров от Москвы. Битва за столицу СССР была выиграна, ценой очень напряжённых усилий и огромных потерь. Близилась череда новых испытаний.

– Крутой этот ваш Гагин, – высказал уважение Рома. – Из скудых ресурсов смог построить такой щит. Не дрогнул, сам присутствовал на поле боя. В наше время таких бы лидеров.

– Михаил Вячеславович был человеком-исключением, – откликнулся Станислав Константинович. – Некоторые называли его малым Суворовым за то, что ценил каждого бойца, вне зависимости от количества звёзд и полос на погонах. Майора крупно недолюбливали, особенно чины свыше, ибо было очевидно, что он вечно отклонялся от генеральной линии. Однако Гагин был чрезвычайно нужен со своим талантом, и, видимо, репрессии по отношению к нему отложили на потом. После 1945-ого власти фронтовиков боялись, боялись и новых самородков, и закрепившихся маршалов. Михаила Вячеславовича не трогали и вскоре отправили в Корею, чтобы не мозолил глаза. А после смерти народно обожаемого диктатора государственный натиск слегка ослаб, и Гагину больше нечего было бояться. В 1975 он благополучно уйдёт в отставку и будет доживать последние дни, полный почестей и наград.

– Мне больше всего понравилось, как КВ-2 раскидывал немцев, будто котят, – по-детски захихикал Доброградский. Его очки при этом мелко задрожали. – Бум, и как мухобойкой, бац, и пробил самую защищённую машину.

– Тот КВ-2 сыграл нам добрую службу тогда. Хороший танк с плохо раскрытым потенциалом. К сожалению, он сгинул где-то под Ржевом вместе с ребятами, которые его обслуживали. По окончании боевых действий его остатки наверняка распилили на металлолом либо просто оставили в земле. Грустная судьба, как очень грустна история всей войны в целом.

– Отлично, про Москву мы от вас узнали. – Профессор присел рядом с последним ветераном, устав жариться на открытом солнце. – Но что же происходило с вами в то время в Санкт... в Ленинграде? Вы наверняка угодили туда в самый пик обострения ситуации?

– Это да. Ленинград. Подумать только: град святого Петра, пафосно переименованный в честь первого советского лидера, скорейшим образом взят вражескими силами в кольцо. Куда опять же глядели наши высшие чины? Где вся эта мишура, клявшаяся защищать нас от правого фашистского ига? Куда вы прячетесь, товарищ Молотов? Зачем бежите под стол, мистер Ворошилов? Какого пса заливаются алкоголем, когда немцы бешеными темпами рвутся к столице, месье Сталин? А нас тем временем жестоко бомбили на Дороге жизни, тяжёлые автомобили проваливались на дно Ладоги. Налетали проклятые «Юнкерсы», сирен которых я боялся, как чёрт ладана, после того случая на «Красной стреле». Хуже всего было гражданским: скоро начнётся страшнейший ленинградский голод.

Глава четвёртая

Богатырёва окутало странным холодом, точно неким невидимым саваном. В настоящее время снаружи властвовала ледяная зима. Он поёжился, обхватив предплечья замерзающими ладонями. Знобило то ли из-за страха, то ли из-за подхваченного заболевания. Безумно хотелось тёплого чая, от которого из простой жестяной кружки не спеша плыл вверх приятный согревающий пар.

«Я определённо брежу, тут что-то нечисто», – хлюпнул красным носом солдат.

Внезапно послышалось монотонное урчание автомобильного двигателя. Сонно мотнув головой, воитель медленно открыл глаза. Он был под Ленинградом.

– Чёрт знает что, – проворчал водитель грузовика, справа от которого, простуженный, сидел наш герой. – Порядок в танковых частях. Весь день вообще без происшествий!

– Вы считаете, это плохо? – равнодушно отозвался Станислав. – Зато мы живы, и это самое главное.

– Знаете, товарищ ефрейтор, нюх у меня на такие дела. Затишье перед бурей это называется, – махнул свободной рукой шофёр. – Быть неприятностям.

– Отставить разговоры не по делу! – в заднее окно кабины просунулась голова младшего лейтенанта Добровольского. Командир альтруистично уступил место в кабине болеющему солдату, а сам пересел в кузов к остальным бойцам и перевозимому грузу. – Как ваше состояние, товарищ ефрейтор? Температура не беспокоит?

– Никак нет, товарищ младший лейтенант, – хлюпнул Богатырёв, не желая показывать свою слабость. – Мне кажется, уже чуть получше. Скоро выкарабкаюсь, если не рухну в холодную водицу.

– Это прекрасная новость, боец. Для сражений нам нужны только самые здоровые.

С этими словами командир скрылся под покровом тента.

Наш герой без особого интереса уставился сквозь слегка запотевшее стекло, стараясь ни о чём не думать. Окружающая обстановка оказалась бедна на детали и не живописна. Проплывали заснеженные деревья и кусты. Казалось, лес во все стороны простирался бесконечно. Он давным-давно уснул, и граница между ним и дорогой походила на вход в царство мёртвых. Небо заполнили полчища тяжёлых серых облаков, которые вот-вот были готовы извергнуть сносящий с ног поток свирепых осадков.

Не было видно ни единого просвета, будто солнце навсегда покинуло грешную землю. Кроме рычания моторов и кряхтения утопающих в белой массе колёс, снаружи не доносилось ни звука. Беззвучно шёл пар из ртов и носов. Ехавшие солдаты и командиры старались как можно дольше хранить молчание, чтоб не накликать неведомую беду.

Никто не собирался спорить с этой вечной зимой, наглой и жестокой старухой, кровь которой в незапамятные времена превратилась в багровую густую жижу, а сердце – в потухшую алую льдину. Это было её время, это было её место. Страшная королева правила свой скупой и чудовищный бал. Вечная зима застряла в душах русских людей, и не имелось предела её ужасному царствованию.

«Екатерина...»

Смертельное кольцо захлопнулось над Ленинградом ещё осенью, с падением Шлиссельбурга, окружая часть советских войск и обрекая большинство жителей города на наивиднейшую участь. Определённое географическое расположение, отрывавшее его от ресурсных баз, опасная близость к вражеским государствам играли роковую роль. В случае захвата бывшего Петрограда Рейх получил бы доступ к огромной экономической базе СССР, уничтожил бы Балтийский флот, который встал как кость в горле группе армий «Север», смог бы дать простор действий для этого громадного скопления войск. Нельзя

отбрасывать и идеологический аспект: захват Колыбели коммунистической революции был бы важнейшим политическим и пропагандистским ходом.

Тяжёлым для Красной армии выдался сентябрь 1941 года: оборона оказалась прорвана, и германцы находились в пяти километрах от административного центра, встав в пригородах. Сам Сталин считал положение дел катастрофическим и допускал, что Ленинград мог быть потерян. В конце сентября от авианалётов значительно пострадали корабли Балтфлота. Население было решено уничтожать непрекращающимися бомбёжками и артобстрелами. К сожалению, с этой задачей нацисты справлялись очень эффективно.

Тем временем командующий Георгий Жуков принимал суровые меры. Вскоре блицкриг провалился в данном регионе, и РККА к октябрю – ноябрю удалось вновь перейти к обороне. Нехватка продовольствия, вызванная названными выше причинами, стала ощущаться ближе к зиме. Люди, попавшие в эту ловушку, были вынуждены умирать от голода и холода. Паёк оставался слишком скудным для поддержания жизни, а мороз оказался безжалостен к любому живому существу. Судьба граждан града на Неве стала абсолютно фатальной, так как Гитлер в любом случае мечтал стереть город с лица земли. Имелась бы вместо блокады сдача – современники бы вовсе не увидели так полюбившегося русским людям Санкт-Петербурга.

Колонна из девяти грузовиков и одного командирского автомобиля выехала на берег Ладожского озера. Она не являлась ни первой, ни последней: ушёл один конвой перед Добровольским, за товарищами Богатырёва ползла ещё одна транспортная группа. Снабжение должно было быть постоянным.

Семь «полоторок» нагрузили пехотой и важнейшим грузом, необходимым для поддержания жизни граждан, оказавшихся в блокаде: боеприпасами, горюче-смазочными материалами, углём и, конечно же, продовольствием. Остальные два «газика» исполняли роль зениток: на каждом из них устанавливалось по две спаренной паре пулемётов «Максим».

Тем временем твёрдая поверхность льда уходила на многие километры вперёд. Перед затвердевшей водой находилась надёжная линия укреплений, состоящая из дзотов, окопов, противотанковых ежей, артиллерии и колючей проволоки. Люди в ней готовы были умереть, лишь бы не дать немцам перерезать единственный путь сообщения с городом.

Обособленный блокпост на свободной от сооружений земле являлся последней точкой перед отправкой в град Петра. Создавалось ощущение, что везде не находилось ни одного человека. Тем не менее подобное чувство оказывалось ошибочным: русские бойцы продуманно укрывались посреди линии обороны. Иногда можно было разглядеть знакомые силуэты и быстрые передвижения.

Машина с командирами была готова отправиться первой.

Бодрый регулировщик вышел из протопленной кабины блокпоста и махнул флажком. Командиры осторожно выдвинулись. Перемещаться по озеру близко друг к другу или вообще скопом было запрещено. Имелась высокая возможность вызвать резонанс, из-за которого мог треснуть лёд, и тяжёлые автомобили ушли бы под воду. Поэтому выработали решение минимальное расстояние между каждой транспортной единицей сделать сто метров и равномерно держать на всём пути только определённую скорость. Для этого и поставили регулировщиков.

ГАЗ-АА Станислава находился в самой середине колонны. Ожидание стало неприятным, тягучим. Чудилось, что отправление нарочно затягивается, а оно само по себе было слишком медленным, неорганизованным. Но в реальности советская армия делала всё возможное, что имелось в её силах. Многие в душе понимали, что зимнее Ладожское не в состоянии обеспечить потребности огромного административного центра.

Некоторые пехотинцы в опаске поглядывали на пасмурное небо, будто оттуда вот-вот был готов разразиться астероидный дождь, сжигающий любую дышащую тварь на своём

пути. И правда, спокойствие приходилось очень неестественным, можно сказать, даже лживым.

Водитель нетерпеливо побарабанил по рулю.

– Ну быстрее, быстрее... – проворчал он.

Теперь настала их очередь. Маленький флажок не спеша поднимался, как заколдованный. И шофёр, и ефрейтор напряжённо уставились на этот кусок материи. Секунды тянулись подобно резине. Следующий грузовик уже было довольно-таки трудно увидеть за белёсой пеленой. Указательное устройство резко опустилось вниз. Двигатель аккуратно рыкнул, будто пёс, снимаемый с цепи.

– Ни пуха ни пера, товарищи солдаты, – слышалось из кузова наставление Добровольского. – Не смей волноваться, нас прикрывают «Максимы». Более того, погода в эти минуты однозначно нелётная.

«Вот только вы забываете, что помимо авиации у противника есть ещё и артиллерия», – пессимистично подумал наш герой, однако виду о своих роковых догадках не подал.

Держались на умеренной скорости. Немного покачивало, колёса время от времени едва заметно проскальзывали, повизгивая. Некоторые пытались вздремнуть. Станислав проверил свою «трёхлинейку»: та оказалась в полной боевой готовности. В кузов проникал холодный ветер. На какой-то миг можно было поверить, что эта группа бойцов здесь одна: посреди нескончаемой стыллой пустыни, после страшного Апокалипсиса, застыв, как изваяние, она плывёт сквозь несуществующую вечность.

Знакомо заныло в груди. Богатырёв прищурился, вцепившись взглядом в горизонт. Облака начинали потихоньку рассеиваться, становясь не такими плотными, как ранее. Сомнительно, что немцы отважатся пикировать при таких условиях. Для подобного рода действий нужна была хорошая видимость с высоты четырёх тысяч шестисот километров. Однако внезапно в постепенно исчезающей пелене появились знакомые силуэты: «восемьдесят седьмые „Юнкерсы“» стремительно приближались линией к ползущей колонне. Авиация летела с северо-востока, со стороны Финляндии. И она вовсе не собирались атаковать вертикальным способом.

– «Штуки»! – крикнул ефрейтор.

– Ё-моё, – изумлённо кинул водитель. – Дождались...

Загудели германские пропеллеры. Штурмовики безжалостно открыли огонь по транспортным средствам. Пули отламывали ото льда немалые куски и оставляли значительный след. Ехавший впереди «газик» вспыхнул, как факел: в нём перевозили большое количество топлива и других быстровоспламеняющихся материалов. В кузове началась суматоха, вот-вот готовая перерасти в панику. Ещё немного бы, и солдаты без команды повыводились бы из грузовика.

– Спокойно! – рявкнул Добровольский, достав из кобуры ТТ.

Богатырёв готов был прыгнуть на мороз, готовясь открыть ненадёжную дверь. Шофёр с трудом маневрировал по Ладожскому, стараясь уйти с линии атаки.

– Это не гоночное авто, чтоб я тут мотался зигзагами, – причитал испуганный мужчина.

Станислав оскалится, надеясь разглядеть за стеклом самолётной кабины рожу наглого немецкого пилота. Рявкнув, «Юнкерсы» моментально пронеслись над конвоем. По подчинённым младшего лейтенанта из пушек практически не попали, лишь брякнуло что-то о корпусе.

Завизжали бомбы. Одна из них рванула слева, не причинив особого вреда русским бойцам и технике. Вторая взорвалась далеко позади. Но вот третья попала в место прямо на пути желавших спастись солдат. Поднялся огромный фонтан воды, залил стекло и капот. Правое колесо угодило в образовавшуюся дыру, и «полуторка» застряла, накренившись.

Слава богу, разлом был не настолько большим, чтобы ГАЗ-АА мог провалиться в него и утонуть. Во многих местах брезента теперь виднелись большие отверстия.

Лётчики Люфтваффе решили заходить на второй круг. На ближайшей плоскости льда появились немалые трещины.

– Ааа, ааа... – постанывал один красноармеец внутри. Осколками ему задело руку и ногу.

– Всем вылезти из чёртового грузовика. Живее! – прорычал младший лейтенант, помогая раненому бойцу. – Рассыпаться по местности, ну! Нас в порошок сотрут, если останемся здесь.

Русские военные исполняли приказ главного, как могли. Негде оказалось спрятаться на озере: вдоль и поперёк встречал воителей неприветливый простор. Доставал злобный ветер, но внезапность нападения в некотором смысле возбудила и разгорячила воинов. Все оказались раздосадованными фактом того, что штурмовиков нечем было достать.

Станислав и водитель успели отбежать метров на двадцать от застрявшего «газика». Пролетев по растянутой дуге, противники возвращались. Ефрейтор встал в полный рост перед направляющейся к нему машиной. Шофёр поглядел на него, как на ненормального, и, махнув рукой, принялся дальше спасаться бегством.

– Богатырёв, не останавливаться! – рявкнул Добровольский, уходящий в противоположном направлении. – Не дай на себя нацелиться, беги, чтоб тебя!

Вдруг оживилась зенитная батарея с линии обороны. На юге показалась «полуторка» со спаренными «Максимами». Вернулся с севера аналогичный транспорт противовоздушной обороны. Застрочили пулемёты, залаяли орудия. Стройный ряд «штук», гордо двигавшихся, как на параде, дрогнул. Неуклюже и криво пилоты Люфтваффе маневрировали, изворачиваясь от смертоносного потока свинца. Там тоже началась неразбериха. Повторная атака сорвалась, и «Юнкеры» решили отступить, разворачиваясь в обратную дорогу. Одному из них оторвало неубираемое шасси. Стрелки в кабинах безуспешно огрызались из своих МГ.

Неожиданно, когда казалось, что бой уже окончен, у ведущего «лаптёжника» отвалился значительный кусок от борта. Ненатурально дёрнувшись, самолёт развернулся в противоположном направлении, стал медленно снижаться, но затем полностью свалился в штопор, крутанулся вокруг собственной оси и буквально за несколько секунд камнем рухнул в лёд, превратившись в груды металлолома. Взрыва не произошло.

Над Ладожским в следующий миг раздались победные возгласы, полные торжества и триумфа. Защитники России, забыв, что минуту назад их ждала жестокая смерть, радовались, как дети, прыгая на месте, выбрасывая вверх руки с оружием. Спокойно стояли лишь наш ефрейтор да младший лейтенант.

– Урр-рра, так им!

– Есть, ха-ха, знай наших!

– Молодцы, зенитчики! Сдохните, фашистские гады!

– Что, долетались, паршивые ублюдки?!

– Тоже мне асы, чёрт!

– Урр-рра, горите, говнюки!

К Богатырёву подбежал Добровольский.

– Что-то вы в ступор какой-то впали, – отметил командир. – Приказы нужно исполнять, товарищ солдат.

– Виноват, – кивнул наш герой, всё ещё находясь в мутной прострации. – С ними покончено?

– Думаю, в ближайшие часы не сунутся, – усмехнулся младший лейтенант. В его синих глазах блеснула крепкая уверенность. – Хотя и прежде я думал, что нападения не будет.

– У меня просто... некий подсознательный блок возникает, – в который раз признался боец, – когда появляются «штуки». В самом начале со мной случай произошёл на поезде, когда я только поступал на службу. И с тех пор...

– Всегда с корнем уничтожайте свои страхи, товарищ ефрейтор. Если это застрянет в вас до конца жизни, последствия могут быть самыми непредсказуемыми. – Добровольский похлопал Станислава по плечу. – Расправьтесь со ними, как следует, ефрейтор.

– Вас понял, – бодро отозвался Богатырёв. Ему была приятна такая поддержка со стороны не только опытного командира, но и просто хорошего человека.

Рискуя провалиться на глубокое дно, застрявший ГАЗ-АА вытащили подоспевшим тягачом. Лёд затрещал и начал проваливаться, едва только техника отъехала на безопасное расстояние. От чернильной воды в проруби шли мурашки по коже. Выживших с полыхавшей «полуторки», оказав тем первую помощь, забрали в свою машину вместе с уцелевшими припасами. Командиры, несмотря на опасность, вернулись на автомобиле проверить, не остался ли кто умирать в муках на зимнем воздухе. Успели забрать всех живых, на глади остались лежать лишь обугленные трупы в советской форме.

Станислав решил не нагнеть и залез обратно в кузов к сослуживцам, освободив переднее сиденье для Добровольского. Полевой врач подобающе следил за ранеными. Богатырёв аккуратно зажал рану сержанту, которому угодило в грудь и предплечье. Разрезанное осколком, в брезенте сбоку образовалось широкое отверстие. Перед взором проплыли убогие остатки «штуки». Стекло её кабины изнутри было густо запачкано красным. Сидевший перед отверстием пехотинец, приподнявшись и высунув за развевающиеся края голову, пренебрежительно плюнул в сторону того, что осталось от штурмовика. Снаружи начали проникать снежинки, мгновенно таявшие на разгорячённых лбах. Путь продолжился.

До точки назначения колонна снабжения добралась без происшествий.

Ленинград встречал прибывших угрюмо и безмолвно. Старая дореволюционная архитектура, которой так немного осталось по России, продолжалась уничтожаться захватчиком. Повсюду были видны следы разрушений, во многих местах, включая окна квартир и входы в парадные, полыхало пламя: памятники истории уходили в землю вместе с погибающими жильцами.

На дорогах и около стен домов валялась кирпичная кладка, арматура и различная утварь, на каждом шагу можно было различить ямы и воронки от бомб. Около бочек с огнём, время от времени попадавших в глаза, стояли неподвижные манекены – здешние жители. Малочисленные прохожие, будто находящиеся в мутном трансе, равнодушно поглядывали на конвой. Местные больше походили на бледных призраков или чёрные тени, нежели на живых людей. На их лица стало невозможно смотреть. В ледяном забвении, обессиленные и голодные, они покорно плелись только по известному им маршруту.

Никто не замечал уличных или домашних птиц и животных. На улицах то и дело попадались трупы, застывшие в различных позах: одних почти скрыло под белым покровом, других лишь слегка припорошило. Тела не успевали убирать и хоронить.

По занесённым транспортным артериям, ныне плохо очищаемым, было тяжело передвигаться, особенно пешком – несчастным блокадникам за пайком. Колёса автомобилей тоже нередко увязали в глубоком снегу, точно в болоте. Света не подавался, и имелось чувство, что ночь здесь была вечной. Смерть тут всю раззадорилась из-за допускаемого ей грабежа, пропитав своим мерзким запахом каждый сантиметр пространства. Обезумевшая старуха полностью потеряла и контроль над собой, и чувство предела.

– Какой кошмар!.. – прошептал сосед Станислава, белобрысый красноармеец, стараясь не выдать собственной дрожи.

– Как можно было натворить весь этот ужас?! – едва слышно прохрипел Богатырёв. Разумеется, до приезда он морально готовил себя к тому, что предстоит созерцать. Однако никакими средствами не было возможности принять как должное происходившее здесь. Каждого пробирало до костей.

«Нет, немцы обязаны *заплатить* за всё, что они натворили с нашей страной! Все эти гражданские уж точно не были виноваты в недавних политических игрищах».

ГАЗ-АА выехал на набережную, перед этим обогнав перевёрнутый взрывом на бок трамвай. Рельсы в месте попадания снаряда были разорваны и искажены, уставившись в небо, как рога. В разбитом окне лежал мертвец, положив голову на обнажённую бледную руку, словно он просто спал. На какой-то момент «полуторка» сбавила скорость до минимальной.

Внезапно пехотинцы вздрогнули, когда в знакомом отверстии в брезенте показалось лицо ребёнка с чётко выраженными скулами, стеклянными провалившимися глазами, впавшими щеками и острыми, будто у бесёнка, ушами. Лысая голова оказалась без шапки. На нём также было надето пальто, которое очевидно приходилось ему велико.

«Взял у умирающих родных», – с сожалением подумал ефрейтор.

Мальчишка с трудом держался на каркасе машины, одну руку прижимая к груди, а другой конечностью удерживаясь за ненадёжный материал.

– Дяди солдаты, дяди солдаты, – утробно, не по-человечески прокашлялся незванный гость. – Помогите, дяди, я кушать хочу.

Солдаты испуганно и недоумённо уставились на парня, отвалив от дыры. Лишь наш герой смиренно и понимающе смотрел прямо в очи прозябшему юнцу. Тот, заметив, что хоть кто-то его слушает и не гонит, стал обращаться к Богатырёву.

– Дяди, ради бога, если даже в бога не верите, – даже на малой скорости мальчику давалось с огромным трудом находиться на боку железного транспорта. – Папка мой умер, и мамуля тоже умирать собирается. Дня два назад ещё ходила, ещё что-то делала, я за едой бегал, дяди, берёг мамулю, чтоб она в сугроб не упала, понимаете? Опасно это сейчас, мимо сугробов-то бродить... А сегодня слегла, и ни туда, и сюда не может. Дяди солдаты?

Малый, судя по его виду, вряд ли мог врать. Не у одного бойца навернулись слёзы.

– Иди сюда, – тихо проговорил Станислав. – Тут однозначно теплее, чем снаружи.

Он помог школьнику забраться внутрь и усадил того на колени. Товарищи одобрительно посмотрели на своего сослуживца. Оказалось, что всё время за этой сценой наблюдали водитель и командир, находившиеся впереди.

– Э-эй, товарищ ефрейтор, гражданским не положено... – туповатый шофёр, было, собирался выразить недовольство.

– Закрой рот, – процедил Добровольский, выставив перед носом подчинённого крепкий кулак.

– С-слушаюсь. – Солдат вытянулся и молча стал доводить движение дальше.

Машина прокатилась мимо зенитной батареи, чьи воронёные стволы ждали пришельцев с вражьего неба. Истребители авиации, не отвлекаясь, даже не глянули в сторону подвизавших припасы. Отвлекаться было смертельно опасно.

– Тебя как звать-то? – поинтересовался вытаскивший ребёнка воитель.

– Тёма. Тёма Горюнов, – улыбка парня прочертилась едва заметной тонкой линией. – Мы на М-ой живём, мне далеко нельзя. Сам ведь пропаду – как мамуля будет?

– Молодец, самостоятельный!

– Самостоятельный, только мелкий я слишком, дядь: силёнок не хватает. Был бы сильным, как папка, всё бы удалось. Я бы, наверно, и папку выручил. Не дал бы заснуть папе моему. А вас, дядь, как, кстати, зовут?

– Станислав. Станислав Богатырёв я, ефрейтор.

– Дядя Стас, вы и ваши друзья приехали нас от фашистов спасти? – хитро прищурился мелкий.

– Конечно, – неопределённо кивнул наш герой. Проникнувшись теплотой к мальчишке, он достал из-за пазухи остатки собственного пайка и протянул их юному гостю. – Тём, мы, вероятно, уже скоро будем на месте, и тебе придётся слезть. Так что держи вот это, тебе больше пригодится.

Другие люди, сидевшие в кузове, разом оживились. Никто не хотел обделить подмогой бедного школьника и последовали примеру щедрого ефрейтора:

– На, пацан, возьми тоже у меня!

– Держи, не погибайте там с мамашей.

– У меня тоже кое-что имеется. Не горюй!

– Всё будет хорошо, шкед: ты и нас, и фрицев поганых переживёшь.

– Вот тебе, только не голодай!

В конце концов у Горюнова набрался немаленький кулёк, который помог бы продержаться ему и его матери дней пять – семь. Теперь уже у мальчика на глазах появились слёзы умиления. «Газик» подъезжал к точке назначения. Растерявшись и не ожидав такого тёплого приёма, Артём перед прощанием старался обнять каждого солдата. Через две минуты транспорт остановился, и юнца нехотя повели к выходу. Начали разгружаться. Горюнов всем махал рукой, перед тем как отправиться домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.